

Мертвые люди

Обращение к читателю

Уважаемый читатель, в этой книге Вы не найдете точного описания внешнего вида героев, предметов интерьера и города. И это связано не с халатным отношением к персонажам или неуважением к Вашему времени. Скорее наоборот. Целью данной рукописи является достижение максимально правдоподобной атмосферы. А что может быть более правдоподобно, чем Ваше собственное представление героев и их мира. Возможно, Вы сможете кого-то узнать в этих персонажах. Вы выступаете соавтором: представляете город, который хорошо знаете, людей, внешний вид которых не отличается от жителей Вашего места обитания, а также привычный интерьер. Акцент в данном произведении, главным образом, делается не на описание окружающего, а характеристике внутреннего содержания и порождаемых этим ситуаций. Надеюсь, наша с Вами работа будет оценена по достоинству. Приятного погружения в реальность.

Мертвые люди. Часть Первая

– А вы когда-нибудь встречали мертвых людей?! Нет, теоретически они конечно живы, но фактически их уже давно нет. Огня в них нет, живого, заставляющего двигаться, просыпаться с мыслями о прекрасном, идти на встречу "солнцу", радоваться, казалось бы, глупым обыденностям, да, возможно, даже каким-то своим, исключительным. В глазах таких людей невозможно найти отголоска. В них пусто. Ты не увидишь в них даже своего отражения. Такие люди сухие внутри. И я говорю не о боли утраты, заставившей их забыть, закопать, спрятать где-то глубоко внутри себя все свои надежды и стремления. Эти люди не имеют физических отклонений или прочих особенностей. Особенность, единственная особенность, заключается в образе мышления, что, безусловно, отражается на образе действия, а скорее – в бездействии. Причем, это не принятие действительности, не соглашение с реальностью, а наоборот, ярое отрицание ее, так таковой. Они совершенно не разделяют ни одну мораль. Являясь своего рода нигилистами, они, в свою очередь, не предлагают ничего нового и своего. Они просто не согласны, и, просто, не горят огнем идейности, даже своего несогласия. Находиться рядом с таким человеком крайне тяжело. Постоянно пытаюсь вернуть его к жизни, ты медленно высушаешь сам. Пытаюсь разобраться, оправдывая его смерть, отдаешь часть своей души, а ее некуда в него положить. Там пусто. Из его груди, часть твоей души с бешеной скоростью несется вниз, к пяткам, по абсолютно пустому, не наполненному ничем телу. И даже там она просто вытаптывается, не способная дать направление. И вот, ты уже наполовину пуст, изнеможен попытками, с потухшим взглядом, в полном оцепенении и ужасе понимаешь, что этот мертвый человек не сделал ни одного шага, не поднатужился ни разу, чтобы помочь вернуть себя к жизни, – посвящала Катя в тайны бытия своих друзей.

Вечер пятницы, несмотря на приближающиеся дни беззаботного отдыха, не давал расслабиться никому.

"Еще и эти разговоры о сложных людях", – думали все. "У Катки всегда были проблемы с восприятием чужого мира", – примерно такого содержания бродили мысли в голове у каждого, кто в этот вечер находился на кухне Мишиной квартиры.

Пятеро друзей – Марина, Миша, Катя, Оля, Костя. Они не делились по полу или возрасту. Каждый из них находил в остальных отдушину, знал, что собираясь так, всем вместе, раз в несколько месяцев, они смогут избежать свою истерзанную непониманием окружающих душу от груза проблем.

Они знали, что в такие вечера каждый из них может надеяться на взаимопонимание, взаимоподдержку. "Вечер очищение души" – так называли они свои посиделки с бесконечным полетом мысли и фантазии. Вдохновляющие и стимулирующие друг друга, они ждали вечера, когда их тела будут свободны от дел насущных, а души смогут стремиться к единству. Но, почему-то именно в это вечер тела и души были одним целым и жаждали как можно быстрее вернуться домой. Вот и пришлось бедной Катке повторять свои переживания вслух, себе самой, еще раз.

– Да ладно тебе, Кать. Просто, темпераменты разные. И интересы. Может, ваши "живительные источники" имеют разнонаправленность. А он не настолько безнадежен, вот и все! – не желая разбираться в чьей-либо психологии, ответила Марина. Ей не был безразличен внутренний мир подружки, и в любой другой день она бы часами изучала проблему, но не сегодня. Все молча согласилось с ней и плавно перешли к темам о бесконечных работах, начальниках, зарплатах и прочих пошлых бытовых вещах.

"Что с вами со всеми происходит?! – думала Оля. – Вы превращаетесь в стадо, существующее за кого-то, причем строго по графику, от которого не смеют отклоняться больше половины жителей мегаполиса." Но, стоит заметить, что в словах и мыслях Оли, Катя в тот вечер не смогла найти поддержки своей тираде о "нетаких людях".

Попытавшись в очередной раз оправдать тонкую душевную психологию, воплощающуюся в такую же тонкую деятельность "мертвого человека", Катя, как бы усомнившись в правдивости своих высказываний, отбросив сомнения, отправилась бороздить просторы бесконечности, формирующейся из крайней обыденности.

Друзья с удовольствием расслабили мозговую деятельность разговорами "о природе" и "погоде", и только у Оли, где-то глубоко-глубоко, на подсознательном уровне, отложился описательный образ "мертвого человека", о котором она, впоследствии, слишком поздно вспомнит.

Вечер окончен. Пытаясь замаять недосказанность и неоткровенность, пообещав друг другу как можно раньше увидеться снова, они направили свои корабли в разные бухты переживаний, мыслей, желаний, идей и планов.

Пятеро студентов филологического факультета пронесли сквозь время, бытовую рутину, индивидуальные особенности мировоззрения, и, сохранив атмосферность, идейность и бескорыстность сих встреч, сделали их доброй традицией, заставляющей забывать об обыденном, настраивающей на бесконечно высокие полеты мысли. Яркие, жизнерадостные, честные, открытые. Их нельзя было застать за обсуждением чьих-либо неудач или комплексов, оправдывая все несовершенства мира, они с иронией подходили к пытавшимся их душировать проблемам. Каждая встреча начиналась с будоражащих воспоминаний студенческих лет, прочно закрепивших в памяти каждого из них огромное количество позитивных, поучительных лекций, суть которых периодически подтверждала школа жизни. Эти встречи носили константный характер, но сегодняшняя была исключением из правил, возможно, не столько кричащим, сколько заставляющим обратить на себя внимание. Но, так как ее цель не была достигнута, а намеки слепо проигнорированы большинством, идейность и независимость стали на кривую дорогу жизненного пути, медленно, но уверенно, не оглядываясь, следуя навстречу переменам в мировоззрении каждого.

Мертвые люди. Часть Вторая. Катя

Это субботнее утро Кати носило отличительную, от ранее пережитых, черту. Несмотря на бодрое состояние духа и тела, девушка, в течение нескольких часов, была прикована к кровати тяжелыми, крепко вцепившимися думами. Мысли носили неоднозначный характер: с одной стороны, она осуждала и не принимала «мертвую» природу своего воздыхателя, поднятую накануне в беседе с друзьями, с другой, главенствующее место было отдано оправданию его «небезнадежности», подкрепленное размышлениями о несовершенстве мира. Придя к единству, она снисходительно дала предмету мозговой деятельности второй шанс, отправив сообщение с подтверждением времени и места сегодняшней встречи. Заварив кофе, Катя в пижаме села на подоконник, наблюдать, как проходит утро у случайно попавших в ее поле зрения людей.

Максим, по мнению Кати, был лишен духовной составляющей. Если дело не касалось материальной выгоды, то шансы встретиться с блеском глаз возлюбленного у девушки равнялись нулю. Он работал всегда, везде, без выходных и праздников, перерывов на обед и сон, встречи с родными и близкими. Его одержимость была схожа с маниакальной, что, несомненно, оставляло след не только на деловых, но и на личных отношениях. Купить можно было все и при любых обстоятельствах: если девушке хотелось ощущения праздника – он вел ее в дорогой ресторан; если у Кати, по каким-либо причинам не было настроения, то улучшить ситуацию, не проводя душевных бесед, без лишней траты времени и сил, мог либо красивый букет цветов, либо очередной плюшевый заяц; ну а в случае ссоры, в бой вступала тяжелая артиллерия, в виде ювелирных украшений, парфюма и прочих не бюджетных вещей. Несмотря на то, что молодые люди встречались всего полтора года, отряд зайцев, в количестве восьми штук, самого разного размера, заполнял пространство спальни, в шкапулке почетное место занимали пара колец, серьги и подвеска, с изображением буквы «Е», а на туалетном столике, за последний месяц, появилось два новых флакона французских духов. Стоит отметить, что девушка этих украшений не носила, парфюмом не пользовалась, не по причине несоответствия ее вкусу, скорее потому что все эти материальные извинения лишней раз напоминали Кате, насколько они с Максимом далеки друг от друга.

– Да, привет! – ответила на звонок мобильного телефона девушка.

– Привет, дорогая! – как всегда бодро, уверенно, в какой-то степени нахально, говорил Максим.

– Я видела цветы, спасибо! Мне очень приятно.

– Я знал, что тебе понравится. Насчет вечера в силе?

– Да, конечно. Я же написала. Закончу проект и начну собираться.

– Отлично! До вечера. Целую!

Катя не успела ответить, их разговор прервал звонок на второй линии.

Допив кофе, девушка решила еще раз просмотреть подготовленный накануне дизайн-проект небольшой однокомнатной квартиры. Окончив в детстве художественную школу, посетив ряд специализированных курсов, Катя, отложив филологию в долгий ящик, на данный момент пробовала себя на новом поприще. И, надо отметить, проба удавалась весьма удачно. Начав неуверенно с моделирования пространства на мероприятиях, она не упускала ни единой возможности проявить себя, пробуя что-то новое и доселе неизвестное, независимо от того, какой бюджет быть заложен и сколько она могла на этом заработать. На одном из таких мероприятий, к которым Катя в прямом и косвенном смысле прикладывала руку, они и познакомились с Максимом. Он был, как обычно, занят и имел ограниченное количество времени, в том числе на общение.

– Алло, Екатерина?! Добрый день! Когда мы сможем с Вами встретиться и обсудить план квартиры? – размышления Кати прервал звонок мобильного телефона.

– Алексей, здравствуйте! Проект на стадии завершения, в понедельник предоставлю готовый вариант. Вам во сколько и где будет удобно? – взяв блокнот, спросила девушка.

– Подъезжайте к нам, к трем часам. Жена будет дома, я к этому времени освобожусь.

– Хорошо, спасибо.

– До встречи.

Безусловно, это был очень волнительный и важный момент в жизни Кати, так как она понимала, что каждый удачно завершенный заказ, каждый положительный отзыв о ее работе, словно кирпичики, будут составлять «дом-репутацию» идей и возможностей. За работой девушка забывала обо всем: о проблемах в личной жизни, о душевном одиночестве, о самой работе. Стоит отметить, что она была молодым и перспективным, но только начинающим, дизайнером, в то время, как рынок был переполнен теми же молодыми и перспективными, но уже профессионалами. И эта мысль не давала ей покоя, порождая одновременно страх перед неизвестностью и боязнь не реализоваться, и надежду проявить себя благодаря частным успехам и поддержке друзей и знакомых.

Встреча с Максимом назначена на восемь часов вечера. В момент диалога со своими страхами и сомнениями, Катя отметила, что у нее в запасе, не считая сборов и дороги, а это не более двух часов, было около трехсот шестидесяти минут, которые она честно, до секунды, решила потратить на доработку, корректировку проекта. Выполнив обещание, девушка заметила, что время пролетело незаметно, и если бы не случайный звонок домашнего телефона – ошиблись номером – она бы с удовольствием позаимствовала у следующего временного интервала часок-другой. Не особо заботясь о туалете, Катя, в спешке, выбрала черное обтягивающее платье, с учетом того, что гладить его, а значит тратить оставшиеся, безжалостно убегающие минуты, не нужно. Дополнив образ неброскими украшениями, распустив от природы красивые, волнистые волосы, девушка была готова приходить, смотреть и побеждать, независимо от того, требовала этого ситуация или нет. Она была очаровательна. В обществе расчетливого, эгоистичного, отличавшегося скудным внутренним накоплением Максима, она выделялась за счет света искренности и добра, исходящего от нее, озаряющего пространство и оставляя кусочек в сердцах тех, кто мог, даже случайно, ее лицезреть. Они были полной противоположностью и, являясь миру в компании друг друга, каждый раз убеждались в этом сами, старательно подчеркивая определения жирной чертой. В связи с данными обстоятельствами, Катя, откровенно говоря, не питала иллюзий к очередной встрече, скорее наоборот, реально оценивая действительность, спешила ее завершить и унести свой гармоничный мир в естественную среду обитания – свою квартиру. Вместе они не жили, но у молодого человека были ключи от Катиной вселенной и он, периодически, беспардонно в нее вторгался. Причем, вторжение не сопровождалось элементарным проявлением приличий, таких как звонок или сообщение, с оповещением о предстоящем штурме, нет. Все захваты территории происходили неожиданно, что не позволяло девушке расслабиться ни на минуту. Безусловно, мысли о колоссальных различиях не оставляли Катю даже на день, и сегодня, по пути к назначенному Максимом месту, она не могла не думать о них. Наполненная противоречивыми думами, она не заметила, как отведенное на дорогу время ее покинуло, но покинуло в момент, когда девушка пересекала порог очередного пафосного и неприятного ей места, бездумно выбранного молодым человеком, отражающего его потребности и образ жизни. На самом деле, если задуматься, то человека, его природу, характеризует очень многое, и не всегда это является отражением личности, иногда, если внимательно присмотреться, то можно заметить, что тот или иной выбор может нести более скрытый смысл: к примеру, этим самым выбором человек может заполнять внутреннюю пустоту и неудовлетворенность, создавая иллюзорное впечатление сопричастности. В случае же с Максимом, если заглянуть в самые потаенные уголки его

сознания, возможно так и было, возможно, не имея в свое время ничего, он в настоящем, всеми силами, старался стереть, растворить воспоминания о когда-то сковывающей нужде во всепоглощающей роскоши, смотревшейся, в большинстве случаев, крайне неуместно. Но в данный момент проблема заключалась в том, что молодые люди, находясь вместе, в то же время были слишком далеки от внутреннего мира друг друга. Устав от вечных оправданий поступков избранника, девушка перестала различать границы доступной к оправданию деятельности.

– Здравствуй, дорогая! – с интонацией победителя, отодвинув стул для Кати, сказал денди.

– Привет! – садясь, равнодушно бросила девушка.

– Как твои успехи? Как прошла вчерашняя встреча? – с иронией спросил молодой человек.

– Без пафоса. В спокойной, дружеской беседе, – равнодушно ответила девушка, тем самым давая понять, что развивать тему не намерена.

– Замечательно. На какой стадии твой проект? – не унимался Максим, в его тоне нельзя было уловить соучастие.

– Спасибо. Закончила. Сегодня разговаривала с заказчиком, в понедельник еду на встречу, – наполняя чашку ароматным зеленым чаем, не поднимая глаз, отвечала Катя.

– Кать, скажи честно, тебе это нравится? – Максим решил действовать. Отодвинув ужин, он продолжил, – ты столько времени на это тратишь, но эффекта особо нет. По моему, это больше смахивает на благотворительность. Нет, не подумай неправильно, вся эта сомнительная деятельность, конечно, имеет смысл ... Если есть связи. Я мог бы свети тебя с нужными людьми, и ты занималась бы более серьезными проектами. Если тебе это, конечно, интересно. Но, ты знаешь, я уже неоднократно тебе говорил, что я был бы не менее рад, если бы ты больше занималась собой, не в отношении внешнего вида, в отношении траты, точнее, использования времени. Собой и домом. Нашим домом, – при этих словах Максим взял Катю за руку. – Я бы хотел видеть тебя каждый день, понимать, что наш очаг кем-то поддерживается.

– Ты итак видишь меня каждый раз, когда тебе удобно, независимо, готова ли я к данной демонстрации или нет, – понимая направление движения разговора, девушка с серьезным видом посмотрела на юношу и одернула руку. Катя была похожа на дикого зверя во время охоты: одно неверное слово и она в мгновении ока нападет на добычу.

– Ты поняла, о чем я, – почувствовав опасность и желая как-то сгладить ситуацию, неуверенно сказал бизнесмен.

– Да, поняла. Но сейчас я не могу принять твое нескромное предложение.

– В чем его нескромность, как ты говоришь? Проблем у тебя не будет, из забот – только минимальные, естественные дела, и то, если ты пожелаешь, их можно легко исключить, – более спокойным, убеждающим тоном произнес Максим.

– Как ты сказал, «сомнительная деятельность»? Но эта сомнительная деятельность – большая часть меня, – приняв вызов, резко ответил обиженный художник.

– Если деятельность не приносит приличного дохода, то она обречена быть сомнительной. Да, у тебя есть заказы, проекты, но даже по локальным масштабам они ничтожно малы. От меня никакой помощи, даже в отношении знакомств, ты принимать не хочешь. Но, пойми, что это тоже бизнес, и если у тебя нет имени, в одиночку, тебе нечего предложить рынку. Ну, побалуешься год, другой, выжмешь из себя все, а дальше что? Я предложил тебе два пути решения. Безусловно, есть третий, но сама подумай, этот третий нам хорошо известен и я его уже неоднократно озвучил.

– Спасибо за прекрасный вечер! Я сама за себя заплачу. Официант, посчитайте нас, пожалуйста, разными чеками, – с этими словами Катя начала собираться и дала понять собеседнику, что на сегодня их встреча окончена.

Это был мощный удар по самолюбию Максима. Но, надо отдать ему должное, он тщательно скрывал своего рвавшего и метавшего внутреннего зверя, выражая притворное недоумение и спокойствие.

Выйдя из ресторана вместе, попрощавшись с напускным равнодушием, не понимая и не принимая суждений друг друга, молодые люди, взяв разное такси, направились по своим, бесконечно полярным между собой, квартирам.

Утвердившись в убеждении доказать свою правоту и способность к реализации, девушка приняла решение всецело заняться любимым делом, исключая возможность траты временных ресурсов на второстепенные дела. Основным курсом, на сей раз, была выбрана не духовная, а материальная составляющая. Утром воскресенья Катя сменила замки в квартире. Посвятив завершающий день недели подготовке к встрече с заказчиком, она лишь поздно вечером заметила бесчисленное количество пропущенных вызовов на мобильном телефоне, но перезванивать не стала. Безусловно, следующий день обозначился триумфальной сдачей проекта, подарившей начинающему дизайнеру перспективы развития.

– Алло, Костя, привет! – не теряя времени, выходя от клиента, Катя позвонила пробующему себя на музыкальном поприще другу.

– Да, привет, Катюш!

– Ты занят?

– Я весь во внимании.

– Слушай, у меня к тебе просьба! Если кто-то из твоих друзей, коллег соберется делать ремонт или планировать организацию какого-либо мероприятия, ты можешь, ненавязчиво, порекомендовать меня как творческого помощника в воплощении идей и стремлений? Кстати, поздравь меня! Мой очередной проект приняли! Так что, к творческому, можешь добавить – квалифицированный!

– Поздравляю! Я ни капли не сомневался в твоих возможностях! Конечно, я тщательно изучу твою целевую аудиторию. Кстати, у нас барабанщик собирался заняться благоустройством жилища, я уточню, и в случае чего, хотя, нет, в любом случае, дам твои контакты, творческий и квалифицированный.

– Костик, большое спасибо! Как твои дела?

– Хорошо. Извини, пора бежать, созвонимся еще. Успехов! Еще раз, поздравляю!

– Взаимно! Пока.

Спустя неделю друзья и друзья друзей взяли обязательство способствовать продвижению таланта и способностей, рекомендуя услуги Екатерины друзьям и друзьям друзей. Благодаря этой масштабной акции, время девушки было расписано на несколько месяцев вперед. Начав получать серьезные гонорары, она, в какой-то степени, согласилась с высказываниями Максима по поводу того, что деятельность должна приносить доход и этот момент должен быть первостепенным. Не стоит упускать из внимания амбиции художника, по-своему, безусловно, способствующие успеху, но в большей степени, как было сказано ранее, рассматривающие материальную выгоду. Да, ее деятельность набирала обороты, но морального, духовного подтекста в ее творчестве становилось все меньше. Выполняя заказы на высшем уровне, она начинала все больше искать в них выгоду, выгоду – не как способность реализовать себя, как личность, а, потерянную всякого художественного и эстетического смысла – финансовую. Выбранная ранее позиция, с целью доказать лидеру оппозиционного лагеря, а возможно и самой себе, что данная деятельность имеет место быть, изначально носила безобидный характер, поскольку Катя, в тот момент, не отдавалась всецело пороку, и, даже, имела силы отрицать его существование в своей высоконравственной природе. Но, однажды ослабив оборонительные укрепления сознания, определяющего ценности и расставляющего приоритеты, она позволила огромное черной лапе жадности, не желавшей расставаться с

столь выгодным, а главное способным и перспективным клиентом, сжать душу и старательно удерживать позиции. Оправдывая свое изменившееся отношение к жизни, выражавшееся в переоценке ценностей, кардинально поменявшихся местами с ранее возглавлявшими рейтинги позициями, Катя решила, что это переход на новый уровень, естественный при развитии ее таланта. Весь этот новый этап, а точнее, ее поведение в нем, настолько противоречили взглядам «до», что даже Максим, с неким ужасом, и даже отвращением, замечал эту перемену в нравственности Екатерины.

– Привет! – в трубке телефона раздался неуверенный голос молодого человека.

– Привет! – равнодушно ответила Катя, тоном давая понять, что ни временем, ни желанием общаться она не располагает.

– Как твои дела? Не хочешь увидеться, посидеть где-нибудь?

– Дела неплохо. Кстати, спасибо за совет. Если бы ты, в свое время, не раскрыл мне глаза, возможно, я так и топталась бы на месте, не решаясь открыть дверь в жизнь. Увидеться?! Ммм... Проверю почту, если там пустяковые, копеечные дела, то можем встретиться. В принципе, давай сразу посмотрю, чтобы иметь представление о планах. Так, есть пара писем: это сразу нет – маленький бюджет; на второе можно отправить прайс, и по факту смотреть; третье вообще на безвозмездной основе – в корзину. Да, я свободна сегодня вечером.

– Хорошо, тогда давай в том же ресторане, где были в последний раз? – сказал Максим. Его голос выражал спокойствие, несмотря на очевидность того, что бизнесмена ожидает встреча с абсолютно другим человеком, с которым он был совершенно не знаком, и эта мысль не давала ему однозначных ощущений, скорее наоборот.

– Может быть, рассмотрим что-то другое? Что-то более изысканное и атмосферное? – неожиданно ответила девушка.

– Что ж, хорошо. Я подберу что-нибудь. Странно, раньше бы ты скрипя зубами согласилась и на это заведение, считая его чопорным, не то, чтобы искать что-то лучше.

– Времена меняются и мы вместе с ними. Моя возвышенная душа хочет праздника. Раз уж ты решил его устроить, то к чему мелочиться?! – смеясь, говорила Катерина.

«Избалованная, а не возвышенная» – думал Максим, но решил оставить эти мысли при себе.

Общими усилиями было выбрано модное заведение в центре города, отвечающее запросам новоиспеченной светской львицы не только в отношении внутреннего убранства, разнообразия меню и неоправданно завышенных цен, но и в отношении контингента посетителей, среди которых девушка рассчитывала найти очередных клиентов. Стоит отметить, что расчет, в ее жизни, стал занимать главенствующее и определяющее место.

– И, знаешь, ты в какой-то степени был прав. Действительно, стоит ли браться за дело, если изначально понимаешь, что оно убыточно или низкооплачиваемо? – рассуждала Екатерина. – Кстати, что у тебя за часы? Уже давно пора бы заменить. И рубашка. Этот фасон уже вышел из моды. Хотела тебе показать, смотри, какие серьги себе подобрала, – доставая телефон, с энтузиазмом, говорила собеседница, – как думаешь, стоит брать?

– Часы мне от отца достались, ты знаешь. Я не могу их заменить. Это дело принципа. Да, украшения прекрасны, тебе к лицу! – будучи немного шокирован, отвечал Максим.

– Считаешь? – услышав комментарий только насчет желаемой покупки, радостно спросила девушка.

– Да, вполне уверен.

– Слушай, – проверяя почту с мобильного телефона, протянула Катя, – мне ответили. Помнишь, говорила, что направила прайс? Так вот, предлагают интересный, весьма выгодный, финансово, разумеется, проект.

– А что хотят? Интересная работа?

– Да какая разница! Справлюсь, в любом случае. Главное – оплачивается хорошо. Давай еще, максимум, час посидим, и я побегу работать.

– Можем сейчас пойти. Я, в принципе, тоже планировал заняться делами, – оценив масштаб пугающих изменений, ответил молодой человек.

Дизайнер с радостью согласился, не задаваясь вопросом, почему мужчина, для которого завершение вечера раньше отведенного времени, еще совсем недавно, носило бы катастрофический характер, сегодня так легко соглашается, и более того, уступает ей. По домам каждый поехал на персональном такси: он – погруженный в тяжелые размышления, вдавливающих в кресло; она – легкая и воздушная, охваченная мыслями о предстоящей выгодной сделке.

Во время встречи с Катей Максим, не поверивший с первого взгляда в страшные перемены внутреннего мира девушки, не мог дать объяснения происходящему. И лишь по дороге к дому, в машине, придавшись аналитической деятельности, молодой человек понял, что увидел свое отражение, правда, в весьма искаженном виде, так как, по его мнению, он был немного, а возможно и значительно, более склонен к гуманности, чем та девушка – чужая, незнакомая, с морозной пустотой в душе, в чьей компании прошел вечер. И бизнесмен начал винить себя за ту отталкивающую перемену, с которой ему случилось сегодня познакомиться. Неоднозначные мысли заполнили все его существо: обвинения переплетались с оправданиями, но в этом вихре внутреннего противоречия, одна имела твердую, определенную позицию – с Катей больше не встречаться, о чем ей было сообщено после бессонной ночи, проведенной в раздумьях. Надо отметить, что решение Максима было неожиданным для девушки. Не понимая причины расставания, не принимая мысль, что дело может быть в ней, Катерина утешила свое самолюбие тем, что пропасть между их мировоззрениями приняла вселенские масштабы, и он просто не в состоянии подстроиться под ее высококультурную, духовную и бесконечно творческую натуру, но, ко всему прочему, она не исключила возможности примирения. Однако в течение нескольких дней привычных подарков и предложений не поступало. Стараясь не заикливаться на происходящем, она была поглощена самосовершенствованием, выражающимся, по ее мнению, в реализации обезличенных дорогостоящих проектов, носивших характер шаблонности; он же занялся глубоким самоанализом, позволившим по-другому взглянуть на жизнь, запустить переоценку ценностей.

Шло время. От проекта к проекту росла успешность молодого дизайнера в вопросе материальном, что было прямо пропорционально успехам в личной жизни. В ней не менялось ничего: на смену одиноким вечерам приходили еще более пугающие и удручающие ночи. На первый взгляд все было неплохо – карьера, достаток, уважение, за которыми она гналась без остатка. Катя не испытывала потребности в чем-либо, кроме как стать еще успешнее, и, надо отметить, эти стремления, шаг за шагом, стирали и без того скудные человеческие качества. Оправдывая свое одиночество «вымиранием настоящих мужчин», полярностью разнополюх начал, она становилась жестоким, циничным представителем женского пола, презренно смотрящим на пол противоположный. Душа ее была изъедена язвами, лекарства от которых девушка не могла найти в силу того, что не могла прийти к единству со своим внутренним миром, и вихрь разрушений с каждым днем набирал обороты, подпитываясь за счет очередного подписанного контракта. Не видя выхода из сложившейся ситуации, она без оглядки бежала в новую жизнь, стараясь найти там спасения. Убегая от самой себя, Катя рассчитывала обрести гармонию, что уже противоречило ее образу мыслей и действий. И вот, в этом калейдоскопе поисков и погони, беглянка все чаще начинает видеть во сне маленькую девочку – себя в возрасте восьми лет, и переживать, опять же во сне, те ощущения, когда еще молоды родители, солнце светит ярче, лето длится годами, и она во всем этом великолепии наполнена твердым убеждением, что основой жизни являются любовь и доброта, и что она, став взрослой, обязательно будет

придерживаться этих правил и найдет настоящего принца – доброго, мудрого, красивого и любящего. И, не задумываясь о том, почему все же в детстве, мечтая о чем-то большом, великом, настоящем, четко определяющем границы, сейчас девушка не давала той малышке ни единого шанса воплотить мечты и стремления в жизнь. Между тем, несовершенное постоянство обнимает с каждым днем все сильнее: тяжелое, томное, заслоняющее собой все вокруг, вплоть до надежды на лучшее, оно сдавливает и мешает дышать.

День ото дня, глубоко в душе, Катя чувствует отчаянную борьбу маленькой девочки. Девочки, которая отказывается понимать суровую, жестокую практичность взрослых, и вот, уже совсем выбившись из сил, она сдается, медленно уходя в омут обстоятельств, оправданий, неизвестных ожиданий и несбывшихся надежд, оставляя Катю одну, в ее уродливом мире.

Возможно, уделив, в свое время, друзья ее душевным исканиям чуть больше внимания, чем пара фраз, личная жизнь Катерины сложилась бы куда удачнее. Она была бы чьей-то женой и матерью, а не воспринимала мужчин, как вражеский батальон, во главе которого шествует Максим. А возможно было бы по-другому. Но сейчас она представляет собой истерзанный, измученный, циничный, жестокий сгусток всепоглощающей энергии, ищущий спасения в аналогичном, однополом сгустке.

Очередной удачный дизайн-проект сдан.

Мертвые люди. Часть Третья. Костя

– Я дома! – равнодушно, скорее в пустоту, бросил Костя.

Ответа не последовало. Их с Машей уже давно ничего не связывало, каждый занимался собой и своим миром: он был поглощен музыкой, она – театром. Не желая разбираться в исканиях друг друга, они без остатка, все больше, уходили с головой в свои увлечения. Однако, при этом он, не без грусти, часто придавался воспоминаниям и уносился в то время, когда они дышали друг другом: в нем были разговоры до утра, объятия, поцелуи, прогулки – ночные, дневные, словно границы суток стирались, предоставив влюбленным возможность наслаждаться обществом друг друга, делиться самыми безумными и сокровенными планами, мечтать. На момент их знакомства каждый вынашивал свою идею реализации, и от того они представляли взаимный интерес. Но это было не долго. До тех пор, пока не стали эгоистично, каждый в свою сторону, тянуть одеяло возможностей. И тут заинтересованность в успехах второго начинала теряться, на смену ей приходили неудовлетворенность своей жизнью и стремление во чтобы-то ни стало доказать миру свою уникальность и исключительность. На момент возвращения от друзей, Константин уже числился в музыкальной группе – гитара и вокал были по его части. И он, пропадая сутками на студиях и в клубах, начал исключать возможность того, что дома его кто-то ждет. Мария, в свою очередь, отсутствовала по причине участия в бесконечных пробах, репетициях, гастролях. На первый взгляд они просто привыкли, привыкли к тому, что в их гнезде, когда-то с душой и теплом оформленном, есть кто-то второй, живущий своими интересами и надеждами; на самом же деле, каждый ждал, молча, поддержку и участие. Возможно, будь кто-то из них штатным служащим, шансов на счастье было бы больше: один бы всегда ждал второго из «мест проявления себя», готовый к поглощению информации о реализации, переживал бы взлеты и падения другого, приносил какао и не требовал внимания к себе, позволив мэтру полностью сконцентрироваться на деятельности, но тем самым давая понять, что рядом и поддерживает. К сожалению, этого не было, и он, в очередной раз, вернувшись в холодную квартиру, заварив холодный чай и

приняв холодный душ, лег в холодную постель, где его, Кая современности, ждала Снежная Королева. Они давно стали безразличной парой, дома только числились: наличие личных вещей говорило о присутствии физическом, но отсутствие духовности, наполняющее помещение, кричало об одиночестве моральном.

– Ты поздно сегодня, – сквозь сон сказала она.

– Задержался с ребятами.

– Все хорошо?

– Да.

– Спокойной ночи. Люблю тебя, – скорее по привычке, поцеловав его в лоб, тихо сказала она.

– Спокойной ночи.

На этом диалог двух влюбленных людей, время в течение дня которых было проведено вдали друг от друга, закончился. Столь же лаконичными стали утро и последующее время суток.

Костя любил Машу, но боясь показаться слабым, полный отрицания, он воспринимал действительность как должное и не спешил требовать от девушки внимания: закопавшись в своих страхах, комплексах и сомнениях, молодой человек, с ярко выраженной злостью, демонстрировал ей свое равнодушие. Стараясь заглушить обиду, Константин все больше времени уделял поиску себя на музыкальном поприще. Музыка помогала ему постигнуть нирвану, забыть о мирских проблемах и достичь гармонии с внутренним миром, пусть и не на долго. И пока это состояние ему дарило только творчество: став заменой всему – женщине, друзьям, родным, стирая границы обыденности, оно переносило музыканта в прекрасную страну, наполненную радости и смысла. Его дела начали идти в гору, но дома он не мог поделиться своими успехами – Маша их не ждала и не желала ждать, ровно как и он, в свою очередь вынужденно, не интересовался ее жизнью. Привыкнув к бесконечному отсутствию друг друга, Костя лишь спустя две недели понял, что она ушла. Ее уход стал болезненным, убийственным этапом, но молодой человек, здраво оценив возможности затворничества, стараясь забыть о случившемся, исключив возможность потеряться в душевных исканиях, пытаясь найти ответы, стал еще больше посвящать себя любимому делу. Делу, которое примет в любой ситуации, не оставит без внимания, поможет морально. Надо отдать должное – музыка отвечала ему взаимностью. Работая день и ночь над написанием песен, не ограничиваясь выступлением в клубах и принимая участие во всевозможных конкурсах, от локального до федерального масштабов, группа Кости получила общественное признание – появлялись поклонники их творчества, с преобладанием женского пола, как это зачастую бывает. Но ни наличие любительниц его деятельности, ни ротация на радио не могли заглушить той обиды, наполнившей душу и создавшей ее имитацию, оставляющей лишь оболочку, тем самым ставя под сомнение наличие каких-либо человеческих качеств, которой так щедро наградила его Маша. Стоит отметить, что эта популярность убивала Костю. Всякий раз, когда очередная девушка, восхищенная творчеством молодого человека, имела возможность прикоснуться к прекрасному в его материальном воплощении, ее ожидал диалог следующего характера:

– А настоящей любви нет. Как, знаешь, не зря говорят – человек должен во что-то верить. Вот это из той же оперы. Что ты думаешь, кто-то на самом деле кем-то дорожит, боясь потерять? Каждый понимает, что сейчас есть множество вариантов, посмотри – вокруг попури всего, выбирай – не хочу. Почему, если я говорю честно, то жесток? Неужели ты думаешь, что находясь с молодым, и не очень, человеком обворожительная и нескромная, он удержался бы? В физическом плане возможно, но в психологическом никогда. О, поверь, лучше не знать, чем наполнены мысли этого верного и настоящего. Это частное, а если вернуться к общему, то как на ладони читается неидеальность мира. Сначала они чередуют безграничную любовь с равнодушием, а затем, когда ты убит

чередованием, принимая все, но не успевая подстроиться, они хладнокровно задают контрольный, прямо в сердце: «А чего ты ждал?». Все, нет пути назад, ты повержен. И вот, ты не дышишь, убит, как вдруг обманчивые, противоречивые звонки и сообщения, наивные до глубины души, заставляют тебя вернуться в этот мир, вновь поверить, ждать, надеяться. Уничтожая не только душу, разрушая тело, эти эгоистичные попытки ни к чему не приводят. Они губят, с каждым разом все сильнее. А теперь представь, что происходит с душой, которая по тысяче раз в год умирает и воскрешается снова, обманутая глупыми домыслами. Это страшное зрелище. Нельзя однозначно сказать, чья душа чище – хладнокровного маньяка-убийцы или стабильной жертвы любви. Да, к чему я это все? Взаимной любви, о которой так много и с воодушевлением писали классики, нет, как нет и инопланетных вещей, о которых с таким же воодушевлением писали фантасты. Так что, видишь, фантастом можно назвать не только человека, пишущего о том, как космические корабли, наполненные разного рода живностью, бороздят просторы вселенной, но и лириков, воспевающих ванильные, пустые глупости.

– Может, ты никогда не любил?

– Никогда не любил меня.

– Константин, ты очень интересно рассуждаешь. Очень приятно было познакомиться. Я побегу, меня ждет подруга.

– Разве?

– Да, уже потеряла меня. Спасибо за автограф.

И вечер после выступления в одном из модных клубов города не стал исключением, не спасли даже VIP-места.

– И эта ушла! – сказал с горькой усмешкой Костя севшему рядом с ним барабанщику.

– Может, тебе выбрать другую тактику или меньше говорить? – подавая другу стакан, наполненный алкоголем, спрашивал Женя.

– Считаешь? Хорошо, попробую в следующий раз. На сегодня я исчерпал свой потенциал обольстителя.

– Тебе надо отдохнуть, расслабиться. Хорошо сегодня отыграли.

– Да, ты был в ударе.

– Кость, я серьезно. Не могу смотреть, как ты изводишь себя.

– Еще есть? – выпив содержимое стакана залпом, слегка поморщившись, спросил вокалист.

– Держи.

– Обещаю, сегодня расслаблюсь.

Утро следующего дня не было наделено легкостью: оно сопровождалось тяжелыми последствиями ночного расслабления, которое помогло Косте на время забыться, но со звоном будильника также жестоко его покинуло, как и Мария за полгода до наступления этих последствий. Стакан минеральной воды помог обрести человеческие черты, а холодный душ и кофе закрепили это состояние, и вот Константин снова бодр и свеж, снова готов покорять музыкальный Олимп, так как на смену забвению пришли различной степени тяжести размышления. По дороге на студию он думал о советах Жени, и, в принципе, был полностью с ним согласен, но спроецировать в отношении себя не мог. Проблема заключалась не в реализации, а скорее в принятии доводов для ее начала. И следующие блестящие монологи в шумных ночных заведениях, после очередного удачного концерта, выглядели менее агрессивно, но все также в них прослеживалась нить одиночества, местами образующая огромные узлы:

– Женщины, не забывайте говорить своим мужчинам о том, насколько они вам дороги. Поверьте, для нас это очень важно. В наше время, когда феминизм пропагандируется чуть ли не из утюга, милые дамы, пытаюсь доказать окружающим

непонятные им самим же вещи, совершенно не понимают, не хотят задумываться о том, что нужно не только мужчинам, но и самим женщинам. Проблема в том, что женщины не знают себя, и это незнание имеет разрушительную силу. Женщина, излучая доброту, любовь и заботу, направляет мужчину, делает из него воина, а затем победителя. На многое способен любящий мужчина, но возможности любимого безграничны...

– Костя, твое красноречие великолепно, но боюсь оно не для этих мест! – как правило тираду молодого человека прерывали внезапно вмешавшиеся коллеги по цеху. – Дамы, как вам сегодняшний концерт? – обращаясь уже к спутницам, переводили разговор друзья.

Не находя поддержки, Костя мало-помалу начинал принимать противоречащие его идейным стремлениям дары популярности, стараясь за счет внешних факторов побороть внутренние. Взаимодействие с ними способствовало разложению посредством доступности беспринципных женщин, с которыми диалог сводился к минимуму, легких наркотиков, элитного алкоголя. И он, скорее от безысходности, тонул в этом вихре пародии на жизнь, с каждым днем все больше забывая себя настоящего. Становясь жертвой собственноручно скованных оков порока, он, не замечая того, день ото дня предавал себя. Теперь, когда все его внутренние противоречия, ранее известные только ему одному, в следствие чего никем незамеченные, вышли на свет и оставили тяжелейший отпечаток на внешности и образе действий, он стал меньше рассуждать о вечном и больше жить настоящим. На таланте эти изменения никаким образом не отразились, единственное, песни, в которые ранее вкладывался смысл, становились менее глубокими, но более раскрученными за счет скандальной деятельности исполнителя. Приняв как должное свой новый образ жизни, в котором каждое утро начинается с попытки вспомнить вчерашний день: события, места, имена тех, кто окружал вечером и тех, кто остался лично поприветствовать музыканта по пробуждению; день, с присутствием нескончаемого кофейного потока, проносится в борьбе за рациональное мышление; границы вечера и ночи стирались, так как только к этому времени Константин приходит в чувство и принимает боевую готовность творить и расслабляться одновременно. Он, не замечая изменений, не видя разницы между до и после, был поработан монстром, которого сам же создал. Злость и агрессия ходили за ним по пятам, стараясь не отставать ни на шаг.

– Что это такое?! Почему вы сидите? Вы уже должны были репетировать! И где Женя?! – в порыве ярости, захватив с собой на студию все вышеперечисленные новые качества, в тандеме с ранее упомянутыми последствиями вечерне-ночных кутежей, кричал Костя.

– Мы решили передохнуть. Женя заболел, – виновато отвечали ребята.

– Во-первых, отдыхать вы будете тогда, когда я скажу, а во-вторых, почему я последним узнаю, что он отлынивает?

– Его в больницу положили, жена только что звонила.

– Так, ладно, хилым не место.

– Костя, ты уверен, что мы сегодня выступаем? Ты еле стоишь на ногах. – неуверенно спросил Саша, близкий друг Кости, первый, в свое время, поддержавший его идею создать группу и вложивший в нее не мало сил и времени.

– А ты сомневаешься?! Во мне сомневаешься? Да я прекрасно могу выступить один. Не придется никого пинать. Тянешь тут вас, лодырей.

– Один, так один, – собирая вещи, говорил Александр, – знаешь, давно хотел сказать – ты сдулся. Нет больше того Кости. Давай, пей, играй, один. Посмотрим. Только помни, что делали это все мы вместе: и я, и Женя, и остальные. Один. Один! Удачи!

– Да, Кость, ты не прав.

– Прости.

– Удачи.

Студия опустела. Сидя на полу в центре зала, Костя пытался понять – есть ли его вина в произошедшем. Ведь он, идейный вдохновитель, хотел лишь одного – чтобы группа работала, а это, в первую очередь, нужно не ему, а им. Им, неблагодарным, бросившим его, как Она. Просто они не знают, что он способен на многое, да, пусть и один. Думают сдулся. Еще узнают, еще услышат. Одному намного проще.

– Вот мы и остались с тобой вдвоем, любимая! – обнимая гитару, полушепотом говорил Костя. – Ну ничего. Это надо отметить! Концерт в одиннадцать вечера, сейчас двенадцать дня. Отлично, еще есть куча времени. – открывая бутылку виски, рассуждал одиночка.

Алкоголь никогда не мешал ему репетировать, часто он начинал выпивать еще до концерта, поэтому и сейчас, совмещая приятное с полезным – полезным в данном случае являлась игра – он совершенно не чувствовал себя виноватым, скорее наоборот, с каждым аккордом и глотком к нему приходила уверенность в справедливости ранее сказанных слов ребятам. К концу дня Костя был пьян, но великолепен в своем соло. Приближалось назначенное время концерта.

– Почтенная публика, я в гордом одиночестве приветствую вас! – начал концерт лидер. – Сегодня вам выпала уникальная возможность стать свидетелями моего первого сольного концерта. Многим из вас хорошо известен состав ранее выступавшей группы. По ряду причин теперь я буду один наполнять ваш вечер зарядом позитива и энергии, которыми дышит моя музыка. Надеюсь, вы поможете мне. Не слышу! Оторвемся сегодня?!

– Да! – кричала почтенная публика.

– Поехали!

Он отыграл хорошо знакомые мелодии, исполнил всем известные песни. Заполняя собой, своей бешеной энергетикой не только сцену, но и зал, Константин не намекнул зрителям о нехватке команды, несмотря на то, что, по привычке, несколько раз поворачивался назад, чтобы встретиться глазами то с клавишником, то с барабанщиком.

Концерт окончен. Аплодисменты, автографы, VIP-ложа. Очередной бурный вечер. Самодовольный, уверенный в себе, нахальный, он чувствовал глубоко внутри маленький, еле заметный огонек сомнения. Но даже незначительного размера хватило для того, чтобы он впал в уныние. Решив истребить это мизерное по размерам, но глобальное по масштабам чувство, получить оправдание своим поступкам, Костя без смущения, несмотря на состояние и позднее время, позвонил Оле. Оля всегда его понимала, поддерживала и сейчас солист, когда-то известной нам группы, возлагал на подругу большие надежды.

– Алло, Оля! Оля, привет! Как дела?

– Костя, ты с ума сошел?! Время три часа ночи.

– Оля, мне надо поговорить. Давай поговорим. Как у тебя дела?

– Что случилось? Где ты?

– Я в баре. У меня все отлично. Кругом полно друзей. Эй, ребята, гуляем! Слышишь, сколько их? Настоящих. Ха-ха. Нет настоящих. И эти сегодня ушли.

– Костя, ты пьян?

– Я?! Нет. Мне просто весело. Отмечаю свое сольное одиночество. Не хочешь приехать?

– Я не могу. Мне с утра на работу. Костя, объясни, что случилось?

– Ничего сверхъестественного. Естественный отбор. Ребята ушли из группы. И скатертью им дорога.

– Почему ушли?

– Не дотягивают, наверное, а работать никто не хочет.

– Вы поссорились?

– Как я могу поссориться с предателями?! Это их решение, и я его принял.

– Костя, может тебе лучше домой? А завтра все обдумаешь и обсудишь с ребятами?!

– Ты хочешь сказать, что это я виноват?!

– Нет, я не это имела в виду.

– Нет, ты мне скажи, скажи, раз уж начала.

– Я скажу только одно – тебе пора домой. Давай поговорим завтра.

– И ты туда же. И ты меня бросаешь. Конечно, у тебя своя жизнь, куда мне до вас всех.

– Костя, это пустой разговор, ты занимаешься ерундой. Успокойся и иди спать, а завтра поговорим.

– Я занимаюсь музыкой. Стой, не отключайся.

– Костя, честное слово, я уважаю тебя и твою деятельность, я горжусь тобой. Я уверена, один ты или в составе, но своего добьешься.

– Это я и хотел услышать. Все, спи. Прости.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. Оль, подожди..., – но разговор прервали гудки.

Стоит обратить внимание, что в тот вечер, во время сольного выступления Кости, несмотря на разногласия, весь состав ранее возглавляемой им группы, за исключением Жени, не имеющего возможности выйти из больницы, присутствовал в клубе. Они пришли подстраховать. Но, за отсутствием надобности в помощи, они не были замечены триумфатором.

Проходили дни, пролетали ночи. Костя уверенными шагами двигался к пропасти.

– Твоя защитная реакция, выраженная явным нигилизмом, демонстрирует обществу лишь комплексы! Ты сам, не осознавая того, обнажаешь перед всеми душу. Для чего? Ведь человек, которому действительно все равно, который убежден в чем-либо, не мечется, а являет собой полное спокойствие. Ему нет надобности кричать о своей правоте, незачем что-то кому-то доказывать. Он уверен в себе, в своих убеждениях. Он счастлив. Костя, про тебя можно так сказать? Извини, но анализируя твою яркую деятельность, первое, что приходит на ум – это куча комплексов. Ты, самое главное, будь, в первую очередь, честен с самим собой, а потом уже убеждай в чем-либо окружающих. А до тех пор это напыщенная ерунда. – пыталась вразумить Костю Оля.

– В моей жизни происходит только то, что я хочу, чему я позволяю происходить. У меня свой порядок и в мыслях, и в действиях. Ты скажешь, что это неправильно. А откуда ты знаешь, как правильно?! Нам не давали инструкции. У тебя она есть?! У меня тоже нет. Так с чего тогда рассуждать о нравственности. Каждый имеет право на свое счастье. Нет, ты все-таки не понимаешь меня. Что с тобой случилось, Оль? – нередко, в пьяном бреду, он пытался найти ответы в полуночных звонках Оле. Но было бесполезно, поскольку, он сам не понимал, на какие вопросы он жаждет ответить, а его противоречивость ловко держала все в тайне. – Я хочу попробовать себя в роли продюсера, как думаешь, получится? Что ты молчишь?! Знаешь, твоя жизнь похожа на переход дороги на светофоре: стоишь ты, вся такая правильная, ждешь своего бесполезного зеленого, а все бегут, не обращая внимания на обстоятельства, выраженные красным. А ты стоишь, а они уже все давно перешли и ушли от власти цветов, ушли в жизнь. Им уступали дорогу автомобилисты. А ты так и продолжаешь стоять, кульминацией твоего упорства является машина, которая перед самым появлением зеленого, обдаёт тебя грязью, и только тогда ты понимаешь, что могла бежать, но уже поздно. Слышишь, Оль, будет поздно! Не жди зеленого и наглых водителей, беги. Никому не нужна твоя правильность, даже тебе самой.

Убежденный в своем мнении он бежал. Бежал от себя самого, исключая опасную правильность, боясь отбрасывать тень человечности, как когда-то боялся открыться Маше. Ведя неравную, неоправданную борьбу со своим внутренним миром, Константин

растворялся в безнравственности, старательно пытаясь потушить живой блеск глаз. Нельзя сказать, что его устраивала такая жизнь, но проблема заключалась в том, что он всеми силами рвался к неизвестности, сути и сущности которой не понимал. Отдаляясь от друзей и родственников, успешный продюсер все больше походил на героя одноименного романа, Дориана Грея, скрывая под золотой маской огарки черной души. Оставив сольную карьеру музыканта в прошлом, он искал и спонсировал скандальных исполнителей, получая взамен всевозрастающую популярность. Популярность, которая не смогла залечить душу, подарить жену и детей, а лишь плодила циничность, эгоизм и тщеславие. Его телефонные разговоры прерывались гудками и окружающее равнодушие все чаще слышало: «Оль, Оль, почему ты молчишь?! Оль, ты меня слышишь? Не молчи... Прошу... Оль...».

Мертвые люди. Часть Четвертая. Миша

Несмотря на поздние вечерние посиделки, будильник безжалостно оповестил жителей коммунальной квартиры о наступлении субботы ровно в 7 утра. Аня отправилась на автопилоте готовить любимому завтрак, гладить рубашку, а любимый, Миша, поприветствовав девушку поцелуем, начал собираться на работу. Помимо основной работы в престижном университете штатным преподавателем филологии и репетиторства, Михаил, по субботам, давал возможность людям, вовремя не успевшим или не имеющим возможности, получить мало-мальское высшее образование. По субботам его публику составляли: либо наполненные мыслями о семье дамы, близкие к бальзаковскому возрасту; либо, жадно поглощающие информацию, старающиеся за пару часов охватить курс, будущие молодые специалисты, занятые в будни на работе, не имеющей с гуманитарной профессией ничего общего; либо, редко появляющиеся, равнодушные молодые люди, имеющие привычку не оставаться до конца лекции. Он прекрасно понимал, что его деятельность по субботам носит малоинформативный характер, и никаким образом, обучение очное нельзя заменить даже вечерним, не то, что заочным. Но он старался объять необъятное, вселяя надежду и тягу к знаниям заочникам, и они, порой отодвинув на второй план всепоглощающие мысли о семье, работе, отдыхе, старались отвечать ему взаимностью в отношении уважения к предмету и его содержанию.

Миша брался за любую работу, связанную с его специальностью, и не только ради практики, желания быть полезным, но и ради воплощения в реальность поставленных целей и задач. Главной его жизни была Аня и все, что связано с ее благополучием и достатком. Пару лет назад она ушла из обеспеченного родительского дома в квартиру, где даже не могла позволить себе полежать в ванной. Но, находясь рядом с ним, она ни разу не своим видом не показала ни ему, ни окружающим, что обстановка в квартире плачевная, что делить общий санузел для нее представляется страшной дикостью, перемещаться свободно лишь в одной комнате равносильно аресту, а тараканы на кухне хуже любого зверя. Она терпела все. Но он прекрасно понимал, что она – девушка с прекрасным образованием и хорошей работой, заслуженно претендует на лучшую жизнь, и всеми силами пытался ей ее устроить, откладывая деньги на ипотеку. Ипотека, звучит одновременно пугающе и величественно, поскольку, средств на внесение первоначального взноса у него не было, пока. И он, не чувствуя усталости, полный решимости, упорно, не давая себе поблажек в виде выходных и свободных часов, шел к цели. День ото дня он вдохновлялся любовью к ней, заполняющей собой все пространство вокруг, дарующей смысл и излучающей свет.

– Мишунь, как ты себя чувствуешь? – за завтраком спросила она. Аня видела, как он пытается, буквально, лезть из кожи вон ради воплощения мечты в реальность. Она

всячески старалась быть рядом с ним, идти плечом к плечу, чтобы он понимал, что она всегда готова разделить участь, действовать в тандеме, как минимум, оказывать моральную поддержку. Ее отличительной чертой было не то, чтобы полное согласие с его действиями, скорее принятие их.

– Замечательно! Я как обычно добр и полон энтузиазма продвигать ученье в массы! Как же все-таки скучно, однообразно, рутинно нам жилось, будь наш великий и могучий не тем, что воспевали поэты и обожествляли писатели, – он старался тщательно скрывать от нее усталость – тяжелую, накопившуюся, сковывающую.

– Кто у тебя сегодня?

– Первый и третий курсы. Казалось бы, всего два года разницы, но ты бы видела, насколько отличаются не то, чтобы знания и суждения, но сам взгляд говорит, что между людьми не определенная временная разница, а целая вселенная, не имеющая границ и не поддающаяся рамкам характеристик.

– Вот за это я тебя и люблю!

– За что?!

– За то, что ты исключительный! За то, что видишь что-то необыкновенное там, где большинство видят только ярлык. Ты особенный и непохожий ни на кого - за это я тебя и люблю. А, возможно, не за это, а просто так, за то, что ты есть, но эту черту твою, исключительную, просто обожаю! – восторженно, обнимая мужа, ответила жена.

– Вот оно – счастье! – смеясь, ответил он.

Подбадривая друг друга и не напоминая лишней раз о проблемах и сильных обстоятельствах, каждый из них программировал день другого на необыкновенное количество приятных моментов, заставляющих с нетерпением ждать вечера, чтобы продлить в компании друг друга те эмоции, которые они получили в течение дня.

– Хорошего дня! – нежно сказала она.

– Люблю тебя!

Полупустой вагон метро, сонные, раздраженные пассажиры. Сорок минут в пути. Маршрут отработан. Здание института, второй этаж, аудитория жаждущих. Восемь часов взаимодействия со студентами пролетело незаметно, и вот он в пути к девятикласснику Олегу, мальчику необычайных способностей и эрудиции. Они занимаются по выходным – вечер субботы, день воскресенья. Олег, будущее которого определено, готовится к сдаче экзаменов и золотой медали. Не шадя себя, имея в личном распоряжении только среду, которую он, как правило проводит в разъездах по различным инстанциям, Миша, несмотря ни на что, отдается занятиям, неважно, индивидуальные они или коллективные, полностью. Ему, бывало и такое, нерадивые студенты, незнакомые с его принципами, предлагали на экзаменах взятки, но он лихо пресекал эту черную бухгалтерию на корню. Презирая, не понимая, не принимая деятельность коллег по цеху, которые таким образом устроили себе «официальную подработку» Михаил Андреевич был тверд в убеждениях, что, во-первых, студент должен всего добиваться знаниями, а не кошельком, а, во-вторых, что за его услуги, а именно к этому с недавних пор приравнивали преподавательскую деятельность, что он считал пошлостью, его труды с достатком, хоть и плачевным, оплачиваются бухгалтериями вузов. Идеолог, герой своего времени, он тем самым пытался бороться с коррупцией, зарождающей в студентах либо ненависть, либо необычайную тягу к знаниям.

Выходные отработаны и Ане, к вечеру воскресенья, достается полусонное тело, одержимое подготовкой к занятиям следующего дня.

Нельзя сказать, что Аня была безучастна, с финансовой точки зрения, к скорейшему осуществлению мечты Миши. Напротив, она была прекрасным юристом, с отработанной клиентской базой и хорошо оплачиваемой работой. Он не требовал от нее сверхурочных часов, дополнительного заработка, скорее, наоборот, как истинный добытчик, желал, чтобы его женщина больше отдыхала. Ему было очень важно, приходя опустошенным домой,

чувствовать ее тепло, как душевное, так и физическое, наполняющее собой не только жалкие метры их комнаты, нет, ее тепло он чувствовал уже поднимаясь по лестнице, и по наличию или отсутствию его, интуитивно, всегда мог определить, дома она или нет. Сегодня, в воскресенье, как и всегда по выходным, подходя к квартире, он знал, что она его ждет. Вернувшись к жизни в ее объятиях, Миша продолжил работу, основой которой сегодня являлась подготовка к дням грядущим. Преподавание у студентов очной формы требовало большей отдачи, так как в течение недели взаимодействие с ними было более плотное и разноплановое – углубленное изучение, семинары, курсы. Аня всегда разделяла его тягу к знаниям: как их получение, так и отдачу.

Иногда, в будни, когда ему удавалось покончить с трудовой деятельностью раньше, а он, как правило, всегда задерживался, либо находился дома, но продолжал работать, что было сложно назвать присутствием, они отправлялись гулять в парк, наслаждаясь обществом друг друга и природой вокруг, либо прогуливались по улицам города. Он всегда знал, как развеселить ее или заинтересовать, и они старательно избегали походов в кино, где темные залы и большие экраны могли помешать их общению. Их жизнь была наполнена друг другом. Солнце становилось ярче, мир красочнее, люди добрее, а обстоятельства мягче, когда их утро начиналось с взаимной улыбки. Каждый занимал все мысли другого, вдохновлял на свершения, подпитывал морально, что, кажется угрозой одному из них опасность, второй бы пренебрег всеми принципами ради спасения. Никто из них никогда не задумывался о возможном, но это читалось в поведении, отношении, взглядах, словах и поступках.

Пять дней трудовой недели промчались молниеносно, подходила к окончанию очередная суббота. Но наш идеолог старался не чувствовать усталости, не позволял ей захватить мозг и тело, покуда знал, что вечером она исчезнет за ненадобностью, вечером все его существо наполнится идиллией и гармонией от скудного жилища, являющегося больше, чем домашний очаг. Он не чувствовал тревог, или прочих, несвойственных ощущений, в нем царил убеждение постоянства любви, и казалось, ничто не могло его изменить. Зайдя по дороге в кондитерскую и цветочный магазин, он в приятном, волнительном ожидании спешил к любимой. Но, чем ближе он был к заветной цели, тем сильнее холодело сердце, и вот, подойдя к квартире, еще не отперев двери, он понял, что Аня нет дома. Ничего не замечая вокруг, он судорожно открыл дверь и поспешил к своей комнате. Она пуста. Неосязаемые вещи, люди, потолок поменялся местами с полом, и из огромного, непонятного набора слов, доносившегося отовсюду, он услышал лишь три «ее увезла скорая». Выяснив адрес, не помня себя, он буквально летел в больницу. В сравнении с его порывом – как можно быстрее добраться до места, город, а в особенности транспорт, казался ему беспорядочным, до невозможности замедленным движением улиток. Его душа, мысли уже давно убежали вперед, оставив тело в равнодушно ползущем такси. Не замечая никого на своем пути, не обращая внимания на персонал, не желая вести душевных бесед с докторами, он стремился к ней, но все попытки были тщетны. Аня была в реанимации. Взяв волю в кулак, выяснив диагноз, разделивший жизнь на до и после, он остался один на один с проблемой, стараясь принять все за страшный сон. У нее обнаружили геморрагический инсульт, срочно требовалась дорогостоящая операция, деньги на реабилитацию. Реабилитация – безусловно, это первое, что крутилось в его голове, без нее невозможно обойтись, если операция прошла успешно. Безжалостное «если» отметалось. Никаким образом «если» не могло присутствовать, только не с ней. Не рассматривая предательское «если», о котором врач неоднократно упомянул, Миша судорожно начал набирать номера всех знакомых, и не очень, желая в кратчайший срок набрать необходимую сумму.

Вернувшись домой, разбитый, опустошенный, дозвонившись до большей половины абонентов в телефонной книге, учитывая ранее отложенные на первоначальный взнос ипотеки суммы, он с ужасом понял, что не сможет покрыть операцию, не говоря о

реабилитации. Находясь более трех часов в неподвижном состоянии, смотря в одну точку, он пытался, но не мог найти молниеносного решения внезапно обрушившейся проблемы. С понедельника начиналась сессия...

Логично предположить, что в свете последних событий идеология больше не занимала ни миллиметра в его мироощущении, вся его деятельность подразумевала только материальный подтекст. Безусловно, перемену в Михаиле Андреевиче заметили все – от студентов до преподавателей. Первые прощались с уважением к нему и наличностью, вторые же, не зная причин, с определенной мерой довольства и злости одновременно, подметили, что система взяла свое. Но Миша не обращал ни на один из лагерей внимания, одержимый мыслями о скорейшем возвращении любимого человека, порождая коррупцию и уничтожая человека в себе, он открыл перед собой новый мир, в котором взятка способна творить удивительные вещи – не только помогать тебе обогатиться, но и открывать ранее недоступные двери.

– Алло, Миша?! Привет! Как ты? Как Анечка?

– Здравствуй, мама! Спасибо, Аня уже лучше, готовимся к реабилитации. Врачи, по предварительным прогнозам, обещают возобновить деятельность в течение полугода.

– Она дома?

– Нет, в клинике.

– В клинике?...Но это же такие деньги... Может, заберешь ее домой, я буду сидеть с ней?...

– Мама, в клинике это обещают сделать быстрее, там она под наблюдением двадцать четыре часа в сутки. Не думай, что я не доверяю тебе, просто хочу вернуть ее, жизнерадостную, счастливую, как можно быстрее. Это не эгоизм, просто мне тяжело без нее, я устал ждать возвращения к жизни. И тут уже вопрос не денег, а времени, деньги на этом фоне обесценились, ровно как и отношение к ним.

– Миша, все будет хорошо! Ты не одинок! Ты знаешь, мы всегда готовы помочь тебе, если не материально, то морально и физически...

– Мама, ты понимаешь, что моральная и физическая стороны здесь не играют никакой роли! Они давно не играют роли, с той самой субботы они совершенно ничего не значат.

Обессиленный, убитый, он жил мыслями об ее скорейшем возвращении. Засыпал и просыпался с думами только о ней, лелея их в течение дня, боясь показать их хоть кому-то из окружающих. Он чувствовал себя абсолютно одиноким в своей беде. Понимая, что никто, как он, не сможет понять, почувствовать, ощутить. Миша предпочитал оставаться наедине со своими всепоглощающими мыслями. Друзья, семья – только посредством телефонных разговоров, не ближе. Засыпая, он видел ее – добрую, веселую, полную жизни, занимающуюся с их тремя детьми. Она все также прекрасна, все также наполнена внутренним светом, который отражается в похожих на нее дочках. Дочери – полное отражение мамы: такие же лучезарные, открытые, умные. И все они, четверо, с нетерпением ждут его в новой, просторной квартире. На подоконнике лениво, безразлично, самодовольно спит кот. Квартира наполнена необыкновенными запахами – ужина, жизни, ее присутствия. Будильник. Утро. Он вновь парализован предательским, опустошающим одиночеством.

– Михаил Андреевич, доброе утро!

– Доброе утро, Сергей Петрович!

Сергей Петрович – ректор университета, в котором Михаил трудился в режиме пять/два. В узких кругах известный беспринципностью взглядов.

– Как ваши студенты? Стараются?

– Из кожи вон, буквально, лезут.

– Прекрасно! Ученье – свет!

– Спасибо.

– Михаил Андреевич, Вы знаете, что сейчас свободно место заведующего кафедрой?

– Да, я обратил внимание.

– Так вот, учитывая Ваш опыт и тягу к преподавательской деятельности, хотел бы предложить Вам столь скромное место. Но, сами понимаете, просто так у нас ничего не делается, я не себя имею в виду – министерство, комиссии. В случае согласия, придется немного вложиться.

– Я согласен, – оценив перспективу вложений, рассчитав, как скоро затраты компенсируются, ответил Михаил.

– Замечательно. Детали обсудим позже. Далеко пойдете, Михаил Андреевич.

Прошло пять месяцев. Его жизнь стала на свое место: мысли, действия больше не охватывал ужас, вечера не проходили хаотично, по утрам он не воскресал, а просыпался. Солнце, в лице Ани, наконец-то выглянуло из-за тяжелых нескончаемых туч, безжалостно, громоздко нависших над его душой. Она вернулась. Она – смысл его жизни и причина нравственной смерти. Аня сразу заметила перемену во взгляде, фразах до этого беспристрастных. Он старался избегать возможных разговоров на тему изменений, грозящих разоблачением. Как вор, боясь попасться, но не имея возможности изменить принципам, он в лихорадке продолжал вести тайную, ранее ей неизвестную жизнь. Несмотря на то, что его главное желание «вернуть ее» было исполнено, он уже не мог вести деятельность так, как это было до той субботы – идейно, легко, свободно. Она же, по своему обыкновению, старалась не задавать лишних вопросов.

– Я хотел тебе сказать... Ты очень много значишь для меня, ты не наполняешь меня жизнью, ты и есть она...

– Я знаю! Я люблю тебя! Что-то случилось?

– Аня, ты знаешь, что я хочу, чтобы у тебя были комфортные условия проживания.

– Меня все устраивает, главное – чтобы мы были вместе.

– Мы переезжаем.

– Куда?! – с тревогой спросила она.

– В нашу квартиру. Она тебе понравится. Она большая, светлая, недалеко от центра. Там, правда, нет еще мебели, но с этим мы постепенно вопрос решим.

– Миша! – закричала радостно жена, – но как, как ты один, сам? Где ты взял деньги, ведь после клиники прошло всего полгода... Прости меня, я так сильно подвела тебя. Почему ты не говорил мне раньше?

– Нам повысили зарплату и я взял дополнительный курс.

Обустройство и ремонт квартиры подходили к концу. Аня была на четвертом месяце.

«У нас будут три девочки» – прочитал счастливое SMS Миша, счастье и необъяснимый страх наполнили его.

– Михаил Андреевич, Вы в курсе, что освободилось место декана? – заходя в кабинет, спросил Сергей Петрович.

Мертвые люди. Часть Пятая. Марина

– Так, так, где у меня эта книга? Сейчас еще полчаса покачитаю и точно спать! – включив в комнате свет, вслух рассуждала Марина.

– Марин, я сплю, свет выключи! Завтра покачитаешь!

Любительница чтения делила комнату с сестрой.

Маленькая двухкомнатная квартира на окраине города была забита до отказа, и Марине ничего другого не оставалось, как закрыться с книгой в ванной. Но эта была не запрещенная или постыдная литература: предметом поисков было подарочное издание на немецком языке, описывающее историю, достопримечательности Германии, щедро приправленными красочными картинками. Встречаясь с ним, девушка уносилась в мир готической архитектуры, резких наречий, таинственных мест. Открывая книгу ночью, в ванной, с первых строк она оказывалась в полдень на площади столицы другого государства, или мчалась в поезде в очередной, не менее прекрасный, город. Марина мечтала о путешествиях, она жила ими – каждый вечер, после встречи с новым памятником культуры, или прогулявшись по иностранным улочкам, она, озаренная мечтой и счастьем, засыпала, давая обещание вернуться. Но и во сне ее мечта не давала о себе забыть – бесконечно снующие туристы, вспышки от фотоаппаратов, невысокие домики, выдержанные в одном стиле – своеобразная карусель событий, мест, людей, памятников. Последние полгода она встречалась только с этими снами, но зарплата штатного библиотекаря, за вычетом коммунальных платежей и оплаты по кредитам, не могла ей позволить путешествия по европейским странам. Но девушка не отчаивалась, она была наполнена убеждением, что встреча со страной снов обязательно произойдет наяву.

– Доброе утро! – сонная, взлохмоченная на кухню зашла Марина. Бабушка с дедушкой уже успели встать и собрать диван, служивший им постелью и занимавший, несмотря на миниатюрность, две трети свободного пространства кухни-спальни.

– Доброе утро, Мариночка! Опять читала всю ночь?

– Не всю, а лишь небольшую ее часть, – стараясь, скорее на инстинктах, пить кофе, ответила Марина.

– Ирка спит?

– Да, вроде.

– Что за ребенок?! Опять опоздает в институт!

– Ей к первой паре?

– Лучше перестраховаться. Пойду – разбужу. Антоша, иди завтракать, в садик надо собираться.

– Иду, мамочка.

– Привет, карапуз! Как спалось? – младший брат Антон был для Марины воплощением добра и чистоты. Рядом с ним невозможно было быть грустным, серьезным, взрослым.

– Доброе утро! Хорошо. Марина, а ты, когда была маленькая, ходила в садик?

– Конечно, все, когда маленькие, по мере возможности, ходят в садик, – улыбаясь, ответила сестра.

– А помнишь, ты обещала, что когда-нибудь мы с тобой пойдем гулять, вместо садика?

– Конечно пойдем! Летом. Шучу! Да, надо обязательно реализовать наш коварный план. Только маме ни слова!

Мальш положительно кивнул.

– Говорит, ко второй, – быстро заходя на кухню, сказала Любовь Петровна – мать троих детей, уже четвертый год заменяющая им и отца.

– Ну, хорошо. Мама, как у тебя дела? Как на работе? Шалят карапузы? – подмигнув брату, спросила девушка.

– Не без этого, – ласково отметила женщина, – на то они и карапузы. А так, ничего, все хорошо, не переживай. Нам счет за квартиру пришел, нужно оплатить до восьмого числа.

– Но зарплата только в середине месяца...

– Ничего, что-нибудь придумаем.

В этот момент Марине казалось, что один только счет на оплату коммунальных услуг отсрочил исполнение ее мечты на целую вечность.

– Мариночка, как у тебя на работе дела? Много народу вчера было?

– Нет, не много, сейчас вообще нельзя похвастаться большим потоком читателей, да и небольшим, в принципе, тоже.

Быстро собравшись, захватив с собой мысли о желаемом, девушка, легкая и окрыленная, поцеловав маму и брата, обняв бабушку и дедушку, поспешила на работу. Ехать ей предстояло долго, но времени у нее было в запасе, и она решила отклонить предложения одного из видов транспорта и пройти до места пересадки на другой. Царила пушкинская осень – все вокруг пестрело многообразием природных красок, воздух был свеж, и, несмотря на пасмурную погоду, общий вид вызывал восхищение, повсюду витало ощущение зарождения чего-то нового и неповторимого. Подойдя к метро, Марина заметила двух мужчин солидного возраста, что-то красноречиво обсуждающих. Став ближе, она поняла, что речь идет об утечке умов, нехватке специалистов, узконаправленности специалистов.

– Вот, а я тебе о чем говорю?! Нет сейчас профессионалов в своем деле! Второсортное образование получают, а те, кто хоть на что-то способен, давно уже где-то далеко, либо, вообще, министерства разбирают – свои кадры готовят! – горячо говорил один из собеседников.

– Ну, подожди. Неужели ты считаешь, что невозможно сейчас найти образованного человека?!

– Несколько месяцев уже ищем кандидата.

– Может, плохо ищите? Девушка, здравствуйте! – внезапно обратился к нашему пешеходу второй мужчина, – мой друг утверждает, что сейчас очень тяжело найти профессионала. Вот скажите, есть ли у Вас на примете достойный кандидат на вакансию переводчика?

– Переводчика?! – не веря своим ушам, спросила библиотекарь.

– Да. Никак не могут найти переводчика немецкого языка. Поставляют немецкое оборудование, нужны командировки в сопровождении компетентных и образованных специалистов.

– А те, что приходят, – продолжил счастливый хозяин вакансии, – не выдерживают и испытательного срока. Понятное дело, мало знать разговорный уровень, нужно быть готовым к новым знаниям. А все хотят за минимум получить максимум, без каких-либо вложений, неважно, о времени речь идет или самоотдаче. И, безусловно, все знают больше, чем кто-либо, поэтому, дабы не комплексовать на их уровне, мы просто не можем принять эти подарки судьбы, пропитанные вычурной, лживой уникальностью. Всюду троянские кони. И, как спросил мой друг, я смею немного дополнить и конкретизировать: есть ли у Вас на примете достойный, скромный, адекватно оценивающий действительность кандидат на вакансию переводчика?

Девушка была ошеломлена – страх и радость одновременно сковывали ее, поочередно ослабевая, а затем усиливая позиции. Занятия с репетитором, университет, последующее самообразование и бесконечные курсы, наконец-то собравшись воедино, выдали ее необычайную заинтересованность вопросом, единовременно читая в нем предложение.

– Возможно, прозвучит самоуверенно, – немного смущенно, обращаясь попеременно к каждому из мужчин, отвечала она, – но я хотела бы попробовать.

– Вы? Вы готовы к командировкам?

– Конечно! Это было бы лучшим условием.

– Отлично! Приходите завтра, в десять часов утра, вот моя визитка, адрес указан. Обсудим Ваши предложения и наши возможности, и наоборот.

Она улыбнулась загадочной улыбкой и резко растворилась в мыслях о внезапной перспективе: случайные знакомые произвели настолько неизгладимое впечатление на любительницу немецкой культуры и всего, что с нею связано, что некоторое время она находилась в оцепенении. Неоднократно перечитав визитку, пару раз ущипнув себя, девушка наконец-то вернулась в реальность, напомнившую ей о необходимости посетить имеющееся место работы. Стоит ли говорить о том, что день пролетел незаметно, а ночь была посвящена всевозможным повторениям, в том числе изучению новых оборотов и слов, а также, составлению, на ее взгляд, прекрасного резюме, исключительно на немецком языке. Несмотря на загруженность, Марина позволила себе уснуть в обнимку с любимой книгой. Ей снились речные прогулки по Рейну, кафе с изобилием блюд национальной кухни, снующие туда-сюда прохожие, громко общающиеся между собой. Голоса, голоса, голоса. Сквозь немецкие наречия девушка, сначала отдаленно, а затем все отчетливее, слышала родную речь, настойчиво пытавшуюся ее разбудить.

– Марина! Мариночка!

– Guten tag! – во сне бормотала она.

– Марина, будильник звонил уже несколько раз! Опоздаешь на собеседование.

– Что?! Как? Давно звонил?

– Нет, пятнадцать минут назад. Завтрак на столе. Собирайся.

– Спасибо, мама!

Окинув беглым взглядом записи, дочь побежала в ванную, а затем встретиться с завтраком.

– Не переживай, ты прекрасно справишься, я уверена.

Не желая разговаривать, погруженная в свои мысли, основу которых составляли различные вариации комбинаций «вопрос-ответ», Марина положительно, но равнодушно кивнула матери.

Внешний вид и мысли приведены в порядок: воплощение целеустремленности убежало на встречу надеждам, домашние, скрестив пальцы, ждали результатов.

Девушка с легкостью нашла компанию по указанному адресу. Ее дружелюбно встретили и проводили в переговорную, ожидать Виктора Сергеевича – директора сего замечательного заведения, по обыкновению пользующегося общественным транспортом, что было на руку соискателю вакансии. Мужчина не заставил себя долго ждать, и вот, спустя десять минут после того, как наш будущий переводчик пересек границы священного кабинета для обсуждения важного и глобального, они уже устраивали друг другу допрос с пристрастием. Ему, как потенциальному работодателю, импонировали ее напор, подкрепленный уверенностью, вселяемой прекрасным образованием, гибкостью ума и разносторонностью; ей, как соискателю, – перспективы развития, престижность учреждения, гарантия стабильности, как материальной, так, что немаловажно, и духовной. Сделав взаимную оценку по всевозможным критериям: он оценивал девушку как сотрудника, она его как олицетворение фирмы; они приняли предложения друг друга. С первого числа следующего месяца счастливица уверенно вступала в штат сотрудников, трудящихся на благо налаживания коммуникаций и поставок. До наступления заветного, официального рабочего дня оставалось две недели и, на это время, Марине были выделены различного рода информационные материалы и поручена, не требующая присутствия в офисе, незначительная деятельность.

Переполненная эмоциями и возвышенная надеждами и перспективами, труженица направилась в парк, чтобы привести лихорадочные мысли в порядок. Совершенно забыв включить телефон, она провела в парке достаточно долгое время. Домой, где каждый член семьи, не находя себе место, обзванивал всех знакомых, девушка вернулась поздно вечером. Являясь олицетворением счастья, взрослый ребенок не понимал волнения

близких, тем самым сделав выводы, что они не хотят разделять ее маленькую, но столь значимую победу.

В течение двух недель Марина была полностью поглощена идеей воплощения реальности в жизнь. Отбросив все житейские, в том числе домашние, дела на второй план, все свое время девушка посвящала самосовершенствованию и выполнению поручений будущего руководителя. Проводя ночи над учебниками, она поймала себя на мысли, немного эгоистичной, но на тот момент весьма естественной для ее эволюционирующей, как ей казалось, природы:

– А ведь мы похожи на детей в песочнице: сидит несколько ребят, и у всех, к примеру, кроме одного малыша, выходят изумительные куличики. Но те, остальные, они стараются, они наловчились, изучили науку, благодаря чему на свет появляются восхитительные творения, пусть и в воплощении сформированных груд песка, причем, появление их настолько естественно и непринужденно, что малышу, которому нечем похвастаться, обидно наблюдать чужой успех. Он видит только результат, но отрицает наличие усилий. И вот, заметив самый лучший куличик, он начинает возмущаться, топтать ножками, плакать и кричать – хочу такой! Но, хочу такой получить, а не сделать, то есть с минимальными физическими или какими-либо другими вложениями получить максимум. И первая мысль, которая посещает глядя на это действие – так не реви и сделай! Но сами мы разве напоминаем эту возню в песочнице?! Было бы неплохо, если бы кто-то периодически говорил: «Хочешь так же?! Не реви – сделай!». Каждый ошибется на начальном этапе, не раз, выбирая свою технологию, можно долго и много ошибаться, пока не отточится мастерство. И это позволит в дальнейшем не рассчитывать на случай, обливаясь горькими слезами, а осознанно, непринужденно получать лучшее, зная, что всегда к этому шел. И от чего мы так глупы, наивны и ленивы... Все же просто – стоит только захотеть!

Взяв эту мысль за ориентир, она, не щадя себя, ежедневно, еженочно, твердо и упорно шла к цели, заменив чувственный подход циничным убеждением. Родные, радуясь ее стараниям и стремлениям, пытались не замечать пугающих изменений в Марине.

Подходило время выхода на новую работу: отношение с своим собственным миром, к этому моменту, у девушки были куда лучше, чем с семьей.

Спустя пару месяцев после официального трудоустройства, идеалистка, которую поглотила гордыня, стала пренебрежительно относиться ко всему, что ей казалось несовершенным.

– Ох, что-то нам и на работе совсем не собираются поднимать жалование и рабочие места сокращают, не знаю, как дальше будет, – жаловалась в один из вечеров уставшая мать.

– Мама, так смени работу! Разве это проблема?! Да и вообще, тебе давно пора искать новое место! – резко отвечала старшая дочь.

– Но как же Антоша? Нам хотя бы не приходится платить за садик. Да и кто будет его забирать? Сейчас все свободные вакансии предлагают график «от рассвета до заката». И бабушке с дедушкой нужна помощь.

– Пусть тогда Ирка устраивается куда-то. Взрослая девочка.

– Ты же знаешь, что у нее учеба. Она подрабатывает, но это копейки, естественно их не хватает.

– И что ты предлагаешь?

– Я не знаю, что предложить. Я рассуждаю.

– Я не собираюсь никого содержать. Все взрослые. Я итак столько времени на это потратила. Не устраивает что-то в жизни, так меняйте ее. Помогать – я помогу, но все должно знать рамки и пределы. Я захотела – сделала. А от того, что вы будете рассуждать, ничего не изменится.

– Я не узнаю тебя, дочка. Раньше, мы как-то старались действовать сплоченно...

- Я просто говорю, что можно быть более самостоятельными.
- Может, и Антошку тогда листовки заставить раздавать?
- Все понятно. Вас просто раздражает, что я не такая, как вы, и больше не собираюсь питать иллюзий к неопределенности.
- Зря ты так.
- Посмотрим.

Казалось, пороку, овладевшему циничной девушкой, не было конца, но мать, помня ее доброй, ласковой и отзывчивой, тешила себя надеждой на выздоровление дочери. Напрасно.

Заветная мечта Марины все четче и ярче появлялась на горизонте. А вместе с ней и материальная компенсация за приближающуюся командировку. Будучи занятой на новой работе уже около полугода, она подумывала о том, чтобы снимать квартиру, тем самым, так скажем, собственным примером, доказать семье, что нет ничего невозможного, «стоит только захотеть». Девушка уже практически не делилась сокровенным с близкими, часто задерживалась на работе или вовсе пропадала с новоиспеченными друзьями, забывая подчас ответить на звонок или перезвонить. Через месяц ей предстояла трехнедельная командировка, перед которой мать неоднократно пыталась донести до дочери что-то важное и серьезное, но та, считая, что попытки матери носят константный характер перетиранья пустой информации, наполненная злобой откладывала разговор. Перед отъездом высокомерная особа нашла неплохую квартиру с живописным видом и соответствующим ремонтом, внесла задаток, и с чувством выполненного долга, упаковав чемоданы, покинула семью и Родину.

Страна мечты оправдала ее надежды. Имея достаточно свободного времени, она посвящала его наслаждению архитектурой, пейзажами, достопримечательностями. Охватываемая чувством собственного достоинства, щедро приправленного эгоизмом, Марина, как свойственно подобным натурам, приписывала исключительно себе победу в завоевании чужой страны. За три недели от мамы пришли несколько сообщений, с просьбой перезвонить, но все они были проигнорированы, ибо не затем гуру иностранного языка зарабатывает деньги, чтобы тратить их на междугородние звонки. На одной из деловых встреч с ней пожелал познакомиться импозантный мужчина средних лет, крупный бизнесмен, как оказалось в последствии. Разговорившись, оба поняли, что имеют много общего, к примеру, с первого взгляда характеризующих одного и второго цинизм. Просчитав варианты, девушка для себя решила, что новый знакомый станет для нее прекрасной партией, но не стоит торопить события, на Родине еще ждала самостоятельная жизнь одиночки, которой Марина грезила насладиться хотя бы пару месяцев. Командировка закончилась, и путешественница, прямиком из аэропорта, поспешила в свою квартиру, так как оставшаяся часть аренды была переведена ею хозяйке жилища во время отсутствия.

Шли дни, недели, исключительная натура хотела позвонить домой, но то время было не подходящее, то она не успевала, то, просто сомневалась. Наконец-таки, спустя месяц после возвращения и новоселья, найдя в себе силы и выделив время, дочь позвонила на домашний, который знала наизусть и могла вспомнить при любых обстоятельствах. Гудки. В течение нескольких минут она ожидала ответа, но кто-то на другом конце провода упорно игнорировал ее порывы к общению. Набрав номер еще раз и получив тот же результат, она, затаив обиду, решила не сентиментальничать и прекратить попытки.

В какой-то момент самовлюбленность эгоистичной всезнайки начала брать свое, и день ото дня ей все больше казалось, что она переросла когда-то желанное место работы, определяя его жестоким «неформат». Уверенность в убеждении подпитывало общение с Герхардом, немецким знакомым, обещавшим достойной женщине достойную жизнь. И вот, когда рабочий быт разбился о перспективы выгодного союза, будущая фрау приняла

решение покинуть серые офисные стены и идти на встречу ярким, новым впечатлениям. В день, когда вольная была подписана, девушке позвонила мама.

– Да! – равнодушно отвечала Марина, оскорбленная тем, что ее звонки не имели такого же итога.

– Алло, Мариночка! Как твои дела? Как работа?

– Привет, мам! Все хорошо, спасибо. Я звонила вам, но никто не брал трубку, – холодно ответила дочь, будто не было тех месяцев безмолвия и разлуки с семьей, будто им было известно, где засыпает и просыпается их надежда и опора, будто они знали, чем она живет и о чем мечтает.

– Да, нам отключили телефон за неуплату. Наверное поэтому...

– Понятно.

– Я очень рада, что у тебя все хорошо, молодец!

– Как вы? Как Ирка, Антоша и бабушка с дедушкой?

– Да, тоже неплохо, держимся. Стараемся. Правда, Ирку отчислили из-за прогулов.

– Что за беспорядочная девчонка?!

– Как тебе сказать... Она нашла работу, но ей не повезло: фирма разорилась и Ирочка, считай, ничего не получила. Бабушку с дедушкой пришлось определить в дом престарелых. Ты не подумай, они сами приняли это решение, когда поняли, что на мою зарплату воспитателя пятерых не потянуть. А Антоша ничего, главное – сыт, одет, обут. Правда, видимся теперь с ним редко.

– Позвонили бы...

– Я писала, несколько раз, но мы же понимаем, какая на тебе ответственность, поэтому лишний раз решили не тревожить. У тебя точно все хорошо?

– Через две недели улетаю в Германию. Мне сделали предложение, от которого я не могу отказаться.

И в это время, на другом конце Земли, ожидало прочтения сообщение, с единственным словом «Ja».

Мертвые люди. Часть Шестая. Ольга

Если остальных участников «тайного общества» мы разбирали наследующий день после упомянутой встречи, то к Оле мы обратимся спустя полгода.

Решив порадовать себя дополнительным выходным, Ольга, согласовав с руководством возможность воплощения планов в жизнь, в среду осталась дома. В это утро девушка проснулась позже обычного. За окном светило солнце, прекрасная погода манила отложить домашние дела и провести время в прогулке по городу. Ее выходной наконец-то совпал со свободным временем мужа. Довольная сложившимися обстоятельствами, она, предвкушая предстоящие события, решила этим воспользоваться. На площадке перед домом соседские дети, не чувствуя разницы в днях недели, всю игру и резвились, их веселый смех, сопровождаемый использованием достаточно звучных предметов, доносился до квартиры нашей героини и оседал грустным отголоском на мебели и предметах интерьера. Детей у Оли и Олега не было.

Не задерживаясь в постели, Ольга направилась навстречу новому дню. Она быстро собралась: приняла душ, приготовила завтрак, погладила одно из лучших платьев, сделала прическу и макияж, соответствующие времени суток. Олег еще спал. Девушка, в ожидании пробуждения мужа, покорно охраняла его сон. Сидя в кресле с книгой, женщина была больше занята своими мыслями, нежели чтением. Она вышла замуж сразу же по окончании института, некоторое время пыталась искать себя, веря, что рождена для выполнения

более важной миссии, чем перебирать бездушные бумаги, содержанием которых являлись сухие цифры, а не высокие строки, но Олег сумел убедить жену в важности стабильности. Второстепенным, по его мнению, можно будет заняться чуть позже, когда-нибудь потом. «Когда-нибудь потом» - безжалостное определение, не имеющее границ и рамок, убивающее надежды и стремления. В черную дыру «когда-нибудь потом» он поместил и ее планы в отношении материнства. Время шло, пустота расширялась, видимо, чем больше она питается твоими годами, тем неопределеннее и безграничнее становится. Ольга работала бухгалтером с незаурядными обязанностями и графиком пять/два. Олег трудился агентом по недвижимости, его занятость предоставляла большую свободу действий и передвижений, но, несмотря на это, дома он бывал гораздо реже жены. Свободное время, которое чаще всего приходилось на рабочие дни супруги, муж проводил перед телевизором или компьютером. Стоит отметить, что планы на эту среду, среду, когда жена готовая к приключениям, совместному времяпрепровождению, у него были аналогичные. Оля, разумеется, об этом не догадывалась и считала минуты до заветного пробуждения. Олег встал спустя два часа.

– Доброе утро! – радостно воскликнула жена и решила начать совместный выходной с нежного поцелуя.

– Доброе! – буркнул Олег.

– Ты выспался?

– Не уверен.

– Завтрак на столе. Сейчас сварю тебе кофе. Чем займемся сегодня?

– Оля, давай я сначала приму душ, позавтракаю, а потом посмотрим.

– Хорошо.

Ольга, готовая к выходу, сидела на кухне и безучастно, каждые десять секунд, переключала телевизионные каналы, не давая им возможности проявить себя и поймать в свои сети. Олег покидать квартиру отказался.

– Слушай, давай как-нибудь потом погуляем? Сходим куда-нибудь. Выберем место и заранее договоримся. А сегодня я хочу побыть дома, хочу отдохнуть. Я вдоволь насмотрелся на людей за неделю и хочу просто побыть один! Один. Никого не видеть, не слышать, не уступать дорогу. Хочешь погулять – позвони подругам или своему «тайному обществу», вы, кажется, давно не встречались. Я совершенно не обижусь, если ты пойдешь без меня. Наоборот, я только за!

– Да, ты прав, пойду – прогуляюсь! – с этими словами Ольга резко встала.

– Ты обиделась?

– Нет. У каждого должно быть личное время, это правильно.

Девушка взяла сумку и вышла на улицу. Погода была настолько восхитительной, что Оля быстро забыла обиду мужа и радовалась возможности провести день на свежем воздухе.

«Я не люблю город в утренний и вечерний час-пик! В это время он мне противен. Его индивидуальность, красота, запахи представляют собой только толпу и ее движение. Люди, которые приезжают сюда на работу из области и других городов, мне жаль вас! Жаль не только потому, что вы тратите львиную долю своего времени на дорогу; жаль, что вы не видите и не знаете этого города. А он очарователен! Когда свободен от суеты, которая порождает злость и усталость, какой бы ни была погода, он прекрасен и величественен. Находясь в это время на улице, ты можешь услышать биение его сердца, почувствовать теплый, родной запах. Свободен он – свободен ты! Это прекрасные ощущения! Они вдохновляют, вселяют ощущения добра и радости!» – думала Оля, переходя с одной улицы на другую.

Не имея плана передвижения или маршрута, девушка, наслаждаясь атмосферой, наблюдая за прохожими, покорно отдалась во власть города и доверила направлять себя.

Она вспоминала, как раньше, в юности, любила гулять перед лекциями. Оля выходила из дома слишком рано, чтобы иметь возможность воспользоваться общественным транспортом. В это время улицы еще дремали, фонари гасли, выходили дворники, начинали проезжать первые автомобили. Общий вид города, каменный, величественный, по утрам напоминал природу своей девственной чистотой и неприкосновенностью.

Мечтательница, окутанная воспоминаниями, не заметила, как оказалась в парке. Заприметив первую свободную лавочку, девушка поторопилась занять ее. Сменив вид деятельности на менее подвижный, Ольга поменяла и предмет размышлений. Теперь, сидя в парке и беззаботно наблюдая за его жизнью, теребя ручку сумки, лежащую на коленях, женщина думала об отношениях с мужем.

– Позвольте? – спросил мужчина в старом, потрепанном пальто, которому не уступали его обувь и портфель.

– Да, конечно, садитесь, – вздрогнув от неожиданного возвращения в реальность, ответила Ольга.

– Дивная сегодня погода! Как считаете?

– Да, вполне, – девушка не была сторонником внезапных диалогов с незнакомыми людьми.

– Вы чем-то опечалены? – спросил мужчина. Это был худой человек высокого роста, казалось, что его густые волосы и бороду припорошило снегом, зоркие, ясные глаза наблюдали через круглые очки, напоминавшие пенсне.

«Он чем-то похож на профессора с нашего факультета, но профессор был гораздо старше!» – подумала девушка.

– Нет, с чего Вы взяли? – через какое-то время ответила Оля.

– По Вашим глазам. Знаете, если у меня случаются проблемы, если в доме ни крошки, а в кармане последние пятьсот рублей, то я с удовольствием потрачу их на театр или куплю книг, в крайнем случае – вино, – и мужчина, смеясь, продолжил, – лучше подумать о душе, набить голову всякой всячиной, чем набивать живот. Если вы набьете живот, завтра от этого не останется и следа, а воспоминания, рожденные знаниями, они бесценны. Их можно смаковать сколько угодно.

– Пожалуй, есть в Ваших словах доля истины, – Оля улыбнулась, – Ольга, – и протянула незнакомцу руку, отложив игру с сумкой до следующего раза.

– Иннокентий Петрович! Очень приятно! – ответил собеседник и пожал дамскую ручку. – Вы здесь одна? Почему?

– Да, – немного удивившись и смутившись, ответила Оля.

– Извините. Пытаюсь понять причину Ваших переживаний. Я не больной, не подумайте. Просто очень печально наблюдать за тем, как молодая девушка грустить в одиночку в парке. Я могу составить Вам компанию, – он немного помолчал и продолжил, – а я вдовец. Каждый день прихожу сюда. Раньше мы с Капой, Капитолиной, вместе, а сейчас... Да, но это жизнь. О, знаете, скольких милых дам и юношей ежедневно здесь встречаю! Да, да! Также – сидят, скучают. У Вас есть дети?

– Нет, детей нет, – при этих словах Оля опустила глаза.

– У нас с Капой тоже не было детей. Мы жили друг для друга. И, знаете, я не жалею. Нет. Нисколько. Никто не знал нас лучше, чем мы сами. Иной раз, подумать только, мне казалось, что эта удивительная женщина читает мои мысли!

– Вам очень повезло! Вы счастливый человек!

– Я счастлив воспоминаниями! Знаете, сравнительно недавно мне в голову пришла замечательная идея! Послушайте! Вы не торопитесь? – Иннокентий Петрович вспомнил о рамках приличия.

– Нет, совершенно. Продолжайте! – Оля приготовилась внимательно слушать и скрестила руки на груди.

– Благодарю. Так вот, посмотрелся я на вашего брата, подумал о своей ситуации и пришел к выводу, что во всем должен быть баланс. Если все будут счастливы, то кто же будет мечтать о счастье?! Если у всех будут дети, кто будет ценить материнство?! Все будут женаты – кто будет воспевать любовь? Мы – обратная сторона, без нас они все не были бы счастливы, женаты, не имели детей. Мы стимулируем. Видите, какую высокую миссию несем! Надо смириться с тем, что имеешь. Возможно, это и есть ваше персональное счастье, а вы его игнорируете, мечтаете о чем-то большем, большем по мнению развращенного возможностями общества. Но это блеф, фикция. Пум, – мужчина хлопнул в ладоши, – и этого нет. И только пыль. Нам всем всегда чего-то не хватает, мы не умеем ценить и радоваться тому, что с нами. Я принял это и я счастлив. Сейчас я понимаю, что мой опыт заставит кого-то жить здесь и сейчас, не имея выбора.

– Знаете, если смотреть через призму Вашего восприятия, то, действительно, все не так уж и плохо.

– В том и дело! Есть вещи, которые изменить нельзя, их стоит принять и не терзать свою несчастную душу. Позвольте, – мужчина посмотрел на часы и немного удивился, – уже достаточно времени. Достаточно, чтобы поспешить! Мне пора в другое место! Оленька, спасибо за приятное знакомство! Буду рад встретиться снова!

– Большое спасибо Вам, Иннокентий Петрович! Вы очень интересно рассуждаете и говорите!

– До свидания! Удачи Вам, Оля! – мужчина взял Олину руку и по-отечески, по-доброму пожал.

– До свидания!

После встречи и диалога с этим немного странным человеком, Оля погрузилась в различные по степени тяжести, двойкие размышления. В принципе, Иннокентий Петрович вещал достаточно добродушным тоном, стараясь скорее успокоить, чем настроить против чего-то. Но сейчас Оля понимала, что да, он прав, есть вещи в ее жизни, присутствие которых угнетало девушку, на которые она, возможно, смотрела сквозь пальцы, воспринимая, в какой-то степени, как должное. Теперь же они проявились настолько отчетливо, что начали резать глаза и сжимать сердце. В ее памяти всплыли все обещанные Олегом «когда-нибудь потом», являвшиеся синонимами «никогда». И это не заставляет смириться с тем, что имеешь, а наоборот – побуждает к действию и причем к скорейшему! Знал бы этот случайный прохожий, как сильно он повлиял в тот день на Ольгу, заставил проснуться, посмотреть другими глазами, отказаться от чужих стереотипов и, пока не поздно, все изменить. Она будто увидела свою жизнь со стороны, и больше всего места в этой картине занимало потерянное время. Оно было повсюду: толстым слоем лежало на книжных полках, вытекало из чайника, когда пытались наполнить кружку, обнимало за просмотром телевизора, вываливалось из карманов и сумочек. Как раньше не замечала, насколько его много?! До удушья! И оно всегда с ней, всегда рядом – дома, на работе, на прогулке, в гостях. Но еще не поздно, не поздно начать вести себя по-другому, не поздно начать жить, наслаждаясь каждым днем. Девушка трепетала в предвкушении перемен, заботливо, аккуратно доставала из уголков своей памяти мечты и желания, когда-то безжалостно оставленные и спрятанные как ненужный мусор. О, как их было много! Неуверенно, оглядываясь, боясь вновь оказаться в изгнании, они возникали перед ней по одному, затем, осмелев и начав выходить парами, показались все – когда-то важные, но предательски оставленные. Девушка с должным уважением поприветствовала каждого. Там были и интересная работа, в которой Оля являлась не обезличенным участником, а ведущей индивидуальностью, и семья, где каждый ее член поддерживал девушку – от внимательного, заботливого мужа до младшей непоседы-дочери, и путешествия за границу, и большой, верный пес, и победа в грантах, и многое-многое другое. Все они сейчас были перед ней – улыбались, светились от счастья и не понимали, почему же, по какой причине

они не могли раньше встретиться с Ольгой в реальности. Пообещав каждому присутствие в жизни, и определив пару контрольных вопросов для Олега, счастливая мечтательница, полная решимости, направилась в сторону дома. По возвращении ее встретила тучная обыденность, действующая под девизом «когда-нибудь потом»: муж находился во власти дивана, телевизора и равнодушия.

– Как дела? – возбужденно спросила Ольга. По тону девушки было понятно, что ее интересует нечто большее, чем малоинформативный рассказ супруга о жизнедеятельности за последние пару часов.

– Нормально, отдыхаю. Как погуляла? – безучастно спросил Олег.

– Отлично!

– Ты явно чем-то взволнована! Даже не разделась. Увидела что-то на площадке?

– Да, хотела поговорить!

– О том, что мусор вывезли не по расписанию? Или голубей кормили в запрещенном месте?

– Забавно! Разделю, пожалуй, твое агрессивно-позитивное настроение! Какмотришь на то, чтобы я поменяла работу?

– Ммм, – протянул Олег, – скептически. Не вижу смысла. Зарплата стабильная, компания серьезная. В перспективе, конечно, если тебе очень хочется, можно, но не сейчас, позже. Сейчас это ни к чему. Это мое мнение.

В импровизированной анкете, составленной Ольгой по дороге домой, появился первый минус.

– Хорошо, – ответила девушка. – Заведем собаку? Я с детства мечтаю о большом, добром и верном друге.

– Оль, куда нам сейчас собаку, тем более большую?! С ней надо гулять, ее надо кормить. Да и места для нее с неба не свалится. Будем расширяться, тогда можно подумать о собаке. И то, времени у меня на нее не появится. Есть еще какие-то необдуманные предложения?

– Всего пара, – с неуверенностью сказала девушка, поставив второй отрицательный знак.

– Ну, давай. Задави сразу своей заоблачностью.

– Дети, – девушка опустила глаза.

– Дорогая моя, – Олег впервые, за все время разговора, заинтересовался темой, точнее попытался проявить участие не сухими фразами, а с более тщательной проработкой вопроса, безусловно, с его решением в свою пользу, – мы с тобой столько раз это обсуждали, я думал, что ты поняла меня. Я понимаю важность и серьезность вопроса. Но для этого нам необходимо встать на ноги, устроить свою жизнь, и только после этого создавать другую.

– А ты не «на ногах»? Не вижу, чтобы кто-то из нас ползал!

– Ты поняла меня.

– Я поняла тебя! – немного помолчав, ответила жена.

– Вернемся к этому разговору, когда придет время. Иди ко мне, присядь.

Ольга, не снимая пальто, села рядом с мужем. Олег обнял жену.

– Поедем куда-нибудь? Мы так давно не были в отпуске! – женщина дала супругу последний шанс.

– Куда?

– Не знаю. Куда-нибудь. Я могу отпроситься на работе на пару дней, взять отпуск, заболеть, в конце концов!

– Я так не могу. Нужно согласовать с руководством, выполнить план, и, если все будет хорошо, то через пару месяцев можно.

– А раньше? – нетерпеливо спросила девушка.

– А раньше меня могут только уволить! Я сам категорически против таких безрассудных поступков! Оля, мы взрослые люди, нам не по семнадцать лет, есть ответственность и обязанности.

Тест провален.

Незапланированный выходной подходил к концу. Оля долго не могла уснуть. Измученная мыслями, которые не давали сомкнуть глаз, терзали сердце и душу, девушка решила провести ночь на кухне за просмотром фотографий и воспоминаний. Заварив чай с мятой, она стала перебирать в памяти события, связанные с Олегом. Ярких моментов не было. Пассивное течение. И тут всплыл разговор с друзьями, тот разговор, в котором Катя, не найдя поддержки, вещала о мертвых людях. А ведь подруга была права. Олег подтверждал ее теорию: он был мертв. Его не интересовала жизнь с ее буйством красок и возможностей, казалось, они находились на параллельных прямых – не имея возможности пересечься, отвергали наличие друг друга.

«Боже, если бы не Иннокентий Петрович, он утащил бы меня в этот склеп! Я уже стояла у входа в ожидании приглашения!» – думала Ольга.

Искать совета у друзей было невозможно, так как в последнее время каждый занимался своей жизнью. Проведение совместного досуга планировалось не ранее, чем через полгода. Полгода! Как много можно успеть за это время сделать и упустить. Нет, ждать нельзя! Больше никакой пассивности, никакого ожидания, никаких «когда-нибудь потом»! Здесь и сейчас! Живи! Живи! Оля повторяла про себя заветные слова, словно заклинание, вздрагивая, будто волшебное «живи» – разряд дефибриллятора, запускающий сердце и возвращающий к жизни. На следующий день «революционер» написала заявление на увольнение, собрала вещи и переехала к родителям.

Работу Ольга искала недолго: одно собеседование и у нее была колонка в одной из газет города. Тематикой, которую доверили Ольге, учитывая имеющийся у нее опыт работы бухгалтером, стали «финансы и кредит». Сомневающаяся и неуверенная в себе, новоиспеченный журналист нашла поддержку в редакторе Юлии – молодой, амбициозной девушке. Обедали коллеги, чаще всего, вместе. Юле импонировала эрудированность, открытость, разносторонность Оли.

– Мне кажется, Даниил испытывает к тебе симпатию! – как-то за обедом, лукаво улыбаясь, сказала Оля.

– Заметила? Ну да, второй год на что-то надеется, – в лице Юли читалось равнодушное отношение к теме осуждения.

– А ты?

– А что я? Думаешь, мужчины умеют любить? Мужчины умеют красиво писать и говорить о любви. Наша проблема в том, что мы читаем и слушаем. В данном случае я слепа и глуха. Он прекрасный корреспондент, плюс работает в другом отделе, но все же это не то. Ни к чему мне это. Ты тоже не просто так в разводе.

– У меня немного другая история.

– У всех свои истории. Хотела поговорить о работе, точнее, о твоей неуверенности, как мне кажется, напрасной. Я вижу, что ты способна на многое, но боишься. Всегда нужно верить в себя! Считай это главной заповедью! Ты закрываешь дверь перед миром, закрываешь себя – мир закрыт перед тобой. Если ты не веришь в себя, то почему кто-то должен верить в то, что ты делаешь? Понимаешь, у тебя ничего не будет! А главное, не будет счастья. На свете полно людей, которые сделают все, чтобы помешать тебе. И твой самый опасный враг – ты сама. Одержи победу над собой и уже никто не сможет встать на твоём пути. Тебе будут доступны все сокровища мира. Просто, верь в себя!

– Спасибо, – смущенно ответила Ольга. – Не то, чтобы я боялась, но какая-то неуверенность есть...

– Напрасно! У тебя неплохо получается. Ты справляешься. О чем еще переживать?!

– Ты права, – вздохнув, ответила девушка. – Пора возвращаться. Идем?

– Забежим по дороге в магазин? Утром разбилась рабочая кружка, а без кофе под рукой мой день не продуктивен! – Юля засмеялась, проверила телефон и начала собираться.

– Конечно! У тебя скоро отпуск? – с этими словами Оля выходила из кафе следом за подругой. Магазин находился неподалеку.

– Да, – в блаженной улыбке протянула редактор. – Еще месяц трудовых будней и кроме моря и пляжа я не буду ничего видеть. Никаких телефонов, ноутбуков, планшетов. Море, книга и гармония. Последнее, как сувенир, обещаю привезти с собой. Держи дверь, – Юля зашла в магазин первой, и, перебирая посуду, продолжила, – уютно здесь. Отпуск, да, две недели рая.

– Ты одна летишь? – Оля помогала выбирать «кубок» для живительного напитка.

– Да! Отдыхать, так отдыхать! Не Даниила же с собой тащить, – смеясь, ответила девушка. – Вот, нашла! Смотри, какая яркая! Будет бодрить не только содержанием, но и формой.

Месяц прошел незаметно. Разговор с Юлией положительно отразился на деятельности нашей героини. Она занималась любимым делом, была уверена в своих возможностях, засыпала и просыпалась с улыбкой, чувствовала себя нужной и полезной в отношении развития общества, словом – жила. Жила так, как хотелось ей. Каждый день бил ключом. Новые, интересные знакомства, общение, взаимодействие, планы, цели и достижения – все это было для нее маленькими победами. Отпуск Юли подходил к концу, девушка с нетерпением ждала подругу, чтобы по традиции, за обедом, поделиться последними событиями из своей жизни. Чужую они не обсуждали, считая это низким, оскорбительным занятием. За несколько дней до отъезда Юлия планировала посетить с экскурсией одну из достопримечательностей гостеприимной страны, в которой отдыхала от шумного мегаполиса, о чем сообщила подруге при переписке.

Солнечные лучи разбудили Олю. До подъема по будильнику оставалась пара часов, и девушка решила скоротать время на кухне за приготовлением изысканного завтрака и просмотром телевизора. О том, что наступило доброе утро, вещали все каналы, заряжая позитивом и легкостью. Ощущение внутренней гармонии, счастья и радости с момента пробуждения девушки не оставляли ее ни на минуту. День обещался быть особенным. Вдруг экстренное сообщение прервало веселье бодрствовавшего населения страны. Ошеломленная новостью, Оля разобрала лишь следующее: «Сегодня..., в шесть часов утра по местному времени..., туристический автобус..., сведения о погибших уточняются..., десять россиян». Сегодня, Юля должна была ехать на экскурсию сегодня, «на последнюю экскурсию», как она писала. Руки девушки затряслись, в глазах потемнело. «Абонент выключен или находится...» – говорил равнодушный голос. Для Юли эта экскурсия оказалась роковой – многочасовая операция, минимальные гарантии, реабилитация до нескольких лет.

Юлина кружка, яркая, полная позитива и кофе стояла на Олином столе. Прошло две недели, рабочее место редактора не решались освободить. Закончив работу над статьей и допив кофе, Оля почувствовала ноющую, тяжелую пустоту, сковавшую сердце и заполнившую душу. Яркая, веселая, жизнерадостная Юля сейчас была прикована к больничной койке, и сколько она пробудет там неизвестно. Неизвестно, вернется ли она к нормальной жизни, сможет ли работать, да и просто передвигаться... Угнетающее чувство печали разъедало ее грудную клетку, язвами шло по телу. Понимая, что состояние может отразиться на работоспособности, Ольга поторопилась предупредить о своем самочувствии руководство и, по возможности, взять пару выходных.

– Можно? – неуверенно спросила Ольга, открывая дверь после стука. Казалось, главный редактор ждал ее.

- Да, конечно, заходи, – Дмитрий Алексеевич стоял у окна.
 - Дмитрий Алексеевич, статью закончила, отправила. Можно я пойду домой?
 - Нездоровится?
 - Да. Хотела на завтра тоже взять выходной.
 - Хорошо, Оль, можешь идти, я все понимаю.
 - Спасибо! До свидания! – Ольга поспешила удалиться.
 - Оль, – крикнул главред, – подожди! В связи с последними обстоятельствами, сама понимаешь... В общем, надо взять Юлин участок. Предлагаю тебе должность редактора.
- Оля, прогуливаясь по улицам города, незаметно для себя, оказалась в том самом парке, после посещения которого жизнь девушки изменилась. Сам парк остался неизменным. Заприметив свободную лавочку, девушка поспешила занять ее. Погруженная в свои мысли, она не замечала прохожих. Главной задачей для нее сейчас являлось вдохнуть как можно большего свежего воздуха, заполнить им всю себя и вытеснить тяжелую печаль.
- Позволите? – к Оле подошел мужчина. Она узнала в нем Иннокентия Петровича. Его внешний вид, от выражения лица до одежды, несколько не изменился.
 - Здравствуйте! Да, конечно, пожалуйста.
 - Я знал, что рано или поздно снова Вас встречу, – тихо сказал мужчина. Затем, немного помолчав, продолжил, – никто не говорил, что будет легко...
 - Я отказалась, – безнадежным тоном, смотря ему прямо в глаза, ответила Ольга.
 - Вы сохранили в себе человека, не многим это удастся.

Мертвые люди. Часть Седьмая. Итоги

С самого утра небо было затянуто серыми, хмурыми, совершенно недружелюбными тучами. Холодный, порывистый ветер старался задеть каждого встречного: с деревьев летели пожелтевшие листья, с людей промокли головные уборы. Сказать, что дождь лил как из ведра – описать обычный осенний день. В данном же случае создавалось впечатление, что над городом установили мощнейший водопад. Казалось, зонт – черная метка, ее наличием прохожий бросает вызов стихии: в тщетной попытке остаться сухим, человек борется не только с осадками, но и с мнимым помощником.

Местом встречи наших героев стало кафе в центре города. Традиция собираться на Мишиной кухне за ненадобностью отпала давно, также как и частота встреч. С прискорбием можно заметить, что последний раз друзья виделись два года назад – с этого самого момента и был начат наш рассказ. С тех пор в жизни каждого произошло много перемен, событий, определяющих их положение в будущем. Встреча не казалась долгожданной, так как по многим причинам, общим и частным, она неоднократно откладывалась. Откладывалась именно тогда, когда была нужна как воздух. Но ее не было, как и дружеской поддержки. Сегодня сбор назначен на одиннадцать часов дня. Оля, боясь прийти последней, торопливо зашла в кафе без пяти одиннадцать. Администратор любезно проводил ее к заказанному накануне столику. Он пустовал. В кафе было безлюдно и одиноко, казалось, заведение разделяло концепцию дня и не хотело отличаться теплой, солнечной атмосферой. В зале находилось несколько человек, судя по всему, выбравших это место случайно, с целью укрыться от дождя. Сонный персонал вяло перемещался по периметру заведения, частенько забывая о малочисленной аудитории и ее скромных заказах. Чай и кофе подавались с задержкой. Столик наших ребят находился у окна, за мокрыми разводами на котором было сложно разглядеть лица прохожих. Оля сняла плащ, поставила зонт в угол, заказала кофе и принялась терпеливо ждать друзей и напиток, размышляя над тем, кого же она встретит раньше. Оценив обстановку в кафе и на улице,

проверив телефон, девушка поняла, что встреча с горячей кружкой произойдет значительно быстрее. Так и вышло. В момент, когда наслаждение заказом подходило к концу, в дверях заведения появился Костя. Во время учебы и недолго после нее, Костя и Оля были очень близки по духу, по взглядам. Сейчас девушка надеялась, что, несмотря на печать времени, эта душевная близость отзовется отголоском из прошлого и поможет построить конструктивный диалог. Администратор указал новому гостю путь к месту пребывания. Пока Константин, без явного энтузиазма, направлялся к Ольге, она заметила, как сильно он похудел и осунулся. При более близком рассмотрении его выделяли маска тщеславия и потухшие глаза. Девушка была поражена изменением друга, но пыталась не показывать возникшего при этом волнения.

– Привет! – радостно воскликнула Оля и подошла обнять приятеля.

– Здравствуй! Где все? У меня мало времени, – ответил Костя, холодно обняв девушку.

– Опаздывают. Я нахожусь в трепетном ожидании более получаса.

– Понятно. Надеюсь, они поторопятся!

– Как твои дела? Ты спешишь?

– Дела стабильно, ничего нового. Да, спешу. Мне сегодня нужно успеть в студию! – резко отвечал молодой человек.

– Я тоже надеюсь, что ребята скоро будут, – улыбаясь и переводя взгляд, стараясь скрыть волнение, ответила Оля. – Как твои музыкальные успехи?

– Отлично! По-другому не может быть. Я живу этим. Сейчас работаю над новым проектом.

– Молодец! У тебя, наверное, много новых друзей? Все-таки столько интересных знакомств.

– Друзья мне ни к чему. Я бы сказал – знакомство со мной выгодно остальным.

Официант, – позвал Константин проходящего мимо юношу, – можно виски?!

Официант одобрительно кивнул.

– Я думала, ты за рулем? – боясь сказать что-то лишнее, неуверенно спросила Оля.

– За такси, – с ухмылкой, прищурился левый глаз, ответил молодой человек.

– А дама сердца? – вспомнив о ситуации с Машей, опаской спросила Ольга.

– Мне и без этого неплохо. Так интереснее. Нет обязательств. Сейчас понимаю, будь я в отношениях, у меня ничего не получилось бы. Так что я даже благодарен Маше за своевременный уход. Если это не стало толчком, то точно открыло двери. А ты наслаждаешься семейной жизнью?

– Нет, мы развелись год назад, – без нотки грусти, но слегка смутившись, сказала девушка.

– С чего вдруг? Он так заманчиво тебя направлял! – собираясь сделать «важный» звонок и приложив телефон к уху, усмехнулся музыкант, тем самым показав, что подробности его не интересуют.

– Внимательнее присмотрелась, – понимая, что их беседа принимает оттенки безразличия, отрезала Оля.

Любому стороннему наблюдателю с первого взгляда было бы видно, что в диалоге отсутствуют чувство такта, гуманность и понимание, присущие дружеской беседе.

– Ты говоришь, – начал Костя, – личная жизнь, друзья и прочая ванильная ересь... Пока ты связан кем-то, чем-то – не способен использовать свой потенциал. Встречи, совместная деятельность, планы общие и времяпрепровождение – все это оттягивает момент твоего самосовершенствования. Я хочу быть кем-то, ты хочешь кем-то стать – это желание любого нормального человека. А пока ты тяготишь себя чьим-то присутствием, из тебя ничего не выйдет. Через пару лет о нас не напишут «из писем/воспоминаний

современников», мы итак катимся в пропасть. Я пытаюсь хоть за что-то уцепиться или упасть ярко, – осушив бокал, вещал мыслитель.

– Тебя послушать, так все бесполезно, – просматривая меню, не поднимая головы, тихо сказала собеседница.

– Ты меня не поняла.

– Надеюсь. Кто это? Катя? – девушка указала на входящего в кафе посетителя.

– Похоже, – буркнул Костя, обиженный тем, что полемика на важную для него тему прекратилась.

Катя быстро подошла к ребятам. От ее длинной шевелюры не осталось и следа. Короткие, осветленные волосы, бесчисленное количество колец на пальцах, свободная, мешковатая одежда, темная помада, татуировка на запястье – Катя была в образе и этот образ стал неотъемлемой частью ее жизни.

– Заждались, смотрю! – с сарказмом поприветствовала друзей дизайнер.

– Мы – да! Привет! Как добралась? – обняв девушку, поинтересовалась Оля.

– Отлично. Поздно легла – работала над проектом, поэтому опоздала. Мы на долго здесь?

– Тоже спешишь? – с иронией поинтересовалась журналист.

Поведение ребят доказывало глубокую незаинтересованность в данной встрече. Убеждения Ольги усиливались и подтверждались, надежда гасла...

– Да, еще есть планы. Дела, дела, – поправляя кольца, не смотря в глаза, смеясь, отвечала бывшая однокурсница.

– Вот и я о том же, – взявшись за вторую порцию горячительного напитка, вмешался в разговор Костя. – Мы трудимся без выходных.

Стоит ли описывать появление каждого? Единственное, на что необходимо обратить внимание – то, что они, как выяснилось, теперь совершенно не знали друг друга и не стремились узнать. Занятые своими проблемами, отсчитывая минуты до момента оплаты счета, они чувствовали себя некомфортно и мысленно начинали жалеть о потерянном времени. Собравшись в полном составе, никто из присутствующих не спешил начинать душевный разговор, говорить о планах, вспоминать прошлое, делиться сокровенным. Одинокие, не находящие поддержки среди сидящих, возгласы были либо обращены к официантам, либо разбивались вдребезги, ударяясь о безразличие молчунов.

«А ведь проблема не в том, что мы разучились общаться, – думала Ольга, – а скорее в том, что не умеем молчать. Не можем быть естественными. Чувствуя неловкость, мы достаем телефоны и зарываемся в своей деградации и неспособности».

Неловкое молчание, отсутствие общих тем и планов тяготили, стирали воспоминания, наполняя сомнениями и страхами. Боясь выглядеть смешно и нелепо вместо того, чтобы стараться быть естественными, ребята за разные концы тянули на себя одеяло безучастия и отстраненности.

Внутренние изменения друзей были достаточно яркими и заметными: Марина, утонченная, красивая, стильная, настолько гордилась своими переменами в жизни, что пыталась буквально кричать об этом каждому, якобы случайно путая при разговоре немецкий и родной языки; Миша, всегда отличавшийся спортивным телосложением, потерял форму, при заказе периодически проверял стоимость блюд у официанта и дал понять, что собирается оплачивать отдельным чеком, чаевые, безусловно, исключались; Катя, в поиске новых заказов, потерялась в телефоне, выбирая высокооплачиваемые проекты, почти не участвовала в беседах; Костя отрицал какое-либо сотрудничество, возвеличивая свой талант и успех; Оля внимательно слушала.

И если ребята выделялись напыщенностью, эгоизмом, высокомерием, то Ольга, со своими открытостью и легкостью, была белой вороной. Костя, Марина, Миша, Катя – в

каждом из них было что-то новое, выделявшее из толпы или же, если задуматься, наоборот, растворявшего в ней. На их лице светился яркий отпечаток, отпечаток, сопровождаемый по жизни, считавшийся ими достоинством, помогающий добиваться желаемого – отпечаток порока. Гордыня, Жадность, Тщеславие, Эгоизм, Алчность, Лицемерие и Пьянство – все они сейчас окружали Олю и были во всей красе. И это только видимые, а сколько их было внутри... Страшно открывать. Единственное, что объединяло «великолепную четверку» – эгоистичные разговоры о себе любимых, итогом которых являлось то, что «близкие их не понимают, не поддерживают, отвернулись, ушли» и надеяться в их исключительной ситуации оставалось только на себя и свой талант, дар, способности – кому что было дано, точнее, кто что успел переташить в свой окоп. Что примечательно, войну они вели не с кем-то, не с миром, а сами с собой. Но так как генералы не понимали этого, не знали своего противника, ошибочно убивая приближенных, войне, разворачивавшейся на полигонах души, не было начала и конца. Голоса, твердившие о несовершенстве мира, казалось, были повсюду: каждый вещал свою историю, говорили хором, в воздухе кружили негатив и предвзятость. В глазах читалось: «То, что я вам что-то рассказываю – не значит, что я вам доверяю. А значит лишь то, что информация, которая направлена в ваш адрес, не имеет для меня важности и значимости.». При этом избытки саморазрушения у Ольги начала кружиться голова.

– Так или иначе, – поправив очки, сказал Михаил, – мы все продаемся. Продаем свое время, свои нервы, молодость и красоту. Так лучше, на мой взгляд, заключить более выгодную сделку?! Мы меняем свои мечты и стремления на удобства «здесь и сейчас». Кому-то это может показаться глупым, кто-то может со мной поспорить. Имеет право. Все учатся в школе, все мечтают сделать в жизни что-то великое, но в итоге, школа заканчивается, институт тоже, и с чем мы остаемся? С мечтами и планами? И начинаем искать, кому бы подороже их продать. А если не видим возможности реализации своих задумок, то с легкостью оставляем их и беремся за то, что дают, то, за что платят. Разве не так?

– Слушай, среди нас только Костя работает, извини, живет, – поправила себя Катя, – другим направлением, остальные, как мы поняли, так или иначе, имеют отношение к профессии.

– Не спорю. Я за то, чтобы из этого извлечь максимум выгоды. Как уже сказал, продаемся все равно все.

– Попахивает цинизмом, – отвечала Катя, одновременно ведя деловую переписку.

– Реальностью. Просто нужно знать себе цену. Глупо отдавать себя за бесценок, – подхватил Костя, – здесь я согласен с Мишей.

– Звучит ужасно, – Оля посмотрела на каждого, затем опустила глаза и начала складывать салфетку треугольником.

– Что тебя не устраивает? Само выражение? – было видно, что эта мысль явно вдохновила Константина.

– Положение вещей, – не поднимая глаз, ответила Ольга.

– Ты всегда можешь изменить свою жизнь: отправиться куда-нибудь в дремучий лес, жить бортничеством и развлекать медведей. Только что-то мне подсказывает, что никто из нас туда не собирается.

– Согласна! Я не представляю, что со мной было бы, сложись моя судьба иначе! Сейчас у меня *schöne Arbeit*¹, заботливый, обеспеченный муж, я живу там, куда стремилась всей душой. Откажись я от всего этого, чем бы занималась? Действительно, как сказал, Костя, развлечением живности? *Es ist schrecklich*²! – воскликнула Марина, сопровождая свою речь красноречивой жестикующей.

1 Прекрасная работа (нем.).

2 Это ужасно (нем.).

– Да, тебе очень повезло! Главное – ты счастлива, – пыталась поддержать разговор Оля. – Твоя семья гордится тобой?

– Не знаю. Наверное. Как я поняла, они были бы рады, если бы я продолжала за копейки работать в библиотеке. Мы сейчас практически не общаемся, – без малейшего сожаления сказала новоиспеченная немка.

– Мама тоже? Она знает, что ты прилетела? – Оля не скрывала удивления.

– Я остановилась im Hotel³. Мне так привычнее. Нет, не знает. Попробую набрать сегодня, если успею. У них своя жизнь, им не до меня. Они даже не полетели на нашу свадьбу.

– Были причины? – присоединилась Катя.

– Мне сложно представить причины для игнорирования свадьбы собственной дочери, – резко ответила Марина. – Но это не самое страшное. Сейчас у меня своя семья, в которой нет проблем ни материальных, ни моральных.

– У меня была похожая ситуация с Максимом. Как только моя жизнь начала складываться, он, вместо того, чтобы понять и поддержать меня, сложил вещи. Успех другого ему незнаком, – сделав глоток чая и оставив чашку, декларировала дизайнер. – И, знаете, это придало мне уверенности. Замуж за него я не собиралась, детей иметь тем более.

– Ты сейчас одинока? – заказывая очередную порцию алкоголя, поинтересовался Константин.

– Я всегда с кем-то, с чем-то. Плюс моя деятельность не дает мне скучать. Огромное множество интересных людей окружает меня ежедневно, – не вдаваясь в подробности, съязвила Катя и в очередной раз начала отвечать на чьи-то сообщения.

– Я и забыл совсем, Мишка же стал папой! – вдруг ударив друга по плечу, радостно воскликнул Костя. Было видно, что очередной бокал прямым образом начинал действовать на его коммуникабельность.

– Да, дочки. Вера, Надя и Люба. Жена назвала. Они у родителей сейчас, – окрыленный чувством свободы, которая читалась в блеске глаз, говорил Миша.

– Правильно, всем надо отдыхать, – заключил Костя.

– У меня много работы. А там Ане явно спокойнее. Ей помогают с детьми, она не переживает и не докучает мне вопросами. Моя главная функция сейчас какая? Заботится о них, добывать и приносить. А когда тебя пытаются отвлекать второстепенными моментами, это только мешает. Позже, через пару месяцев, если станет полегче, тогда перевезу их обратно. А пока, мне так проще и удобнее, – опять поправив очки и сверив сумму счета с указанными ценами в меню, спокойно ответил Миша на вопрос, который сам же себе задал.

– О чем я и говорил! Хочешь чего-то добиться – отсекай лишнее! Вы просто немного запоздали, – обратился Костя к задержавшимся друзьям, – и пропустили мою интересную мысль о гордом одиночестве, способствующем покорению мира, и отягощающем присутствии, предательски оставляющем на месте и закрывающим двери.

– Что-то в этом есть! – поддержал Миша. – Меня эта мысль неоднократно посещала.

– Послушайте, – перебила недоумевающая Оля, – а как же поддержка? Как же взаимопонимание? Вы все кричите о героическом одиночестве, но кому от этого лучше? А есть ли оно на самом деле или вы так называете свой кокон, в котором просто удобно? – возможность взять слово явилось для Оли глотком свежего воздуха, дышала она жадно и часто. – Рядом с нами всегда есть люди, которым не безразлична наша судьба, жизнь. Они как бойцы невидимого фронта – помогали, поддерживали, а вы не обращали на это внимания, принимая как должное. Разве это правильно? Самое обидное, что замечать,

какой вклад эти люди внесли в нашу жизнь, мы начинаем слишком поздно, когда жертвоприношение уже не отменить.

– Оля, ты будто фильмов насмотрелась, честное слово! – вздохнула Марина и закатила глаза. – Почему тогда ты развелась?

– Я никогда не отказывалась от людей, которые меня поддерживали, которым могла помочь сама.

– Странная ты, – продолжала Катя, – не знай я тебя, решила бы, что ты завидуешь.

– Я? Чему? – удивленно спросила Ольга.

– Тому, что мы все выбились в люди, ни на кого не ровняемся, имеем собственное мнение и планы на жизнь, а ты вечно чего-то боишься – не задумываясь о том, обидят ли эти слова подругу, равнодушно заметила Марина.

– Можете быть спокойны, – улыбаясь, ответила Оля, осознавая, какой ценой они заплатили за данные изменения, – мы с этим ужасным чувством не пересекаемся.

Понимая, что эта встреча будет последней, Оля решила пристальнее присмотреться к каждому из ребят. Да, каждый твердил о своих достижениях, о том, чего у него нет, о том, что ему надо-надо-надо.

«Насколько же они все несчастны, – думала про себя Ольга, – у них совершенно ничего нет. Вместо души – бездонная проспать, которая чем больше получает, тем больше требует. Они не чувствуют насыщения, не знают меры. Ни в потребностях, ни в жизни. А как хорошо было раньше, когда мы были проще и свободнее, свободнее от стереотипов, свободнее от себя самих. Мы просто жили и наслаждались жизнью. Да, у каждого были стремления и амбиции, но как удалось вам, ребята, в этой гонке потерять себя? Осушить себя, продать, променять. На вид, у каждого благородное дело, планы и стремления. Но что скрывается на самом деле за этим высоким? Жажда чего-либо. И к возвышенному эта жажда не имеет ни малейшего отношения. Эгоизм, озлобленность, ненависть... От вас несет могильным духом... Да, все верно, вы абсолютно мертвы. Пациент скорее мертв, чем жив, как говорилось в прекрасной, поучительной детской сказке... Читали бы вы ее почаще, возможно, каким-то образом, избежали бы участи слиться с толпой.

А что, если на самом деле – проблемы у меня?! Точнее, с ребятами все нормально, просто я вижу их теми, кем являюсь сама? Что если нет однозначного понятия, выражения, предметного, безусловно, чего-либо? Что если каждый из нас видит свой материальный мир? По-своему видит лица окружающих, бабочек, травку и солнышко? Будто каждый в своих стерео-очках... Каждый живет в своем мире, видит свои образы, живет своими стереотипами, ощущениями, впечатлениями, восприятием и адаптирует воспринимаемую информацию и людей в соответствии со своим миром, а то, что адаптировано быть не может – отсекается. К примеру, я вижу собаку по-своему, пытаюсь описать ее кому-то, и кажется мне, что меня понимают, но, на самом деле, тот человек, до которого я пытаюсь донести информацию, воспринимает совершенно по-другому, потому что в его мире «большая собака» это совершенно не то, что я имею в виду, и он видит свой образ. Так мы и остаемся - смотрим, понимаем, слушаем, но глухи и слепы, потому что живем каждый в своем мире. И если задуматься, то исключив фантастический аспект данной мысли, сама теория имеет место быть, в более абстрактном представлении. Ведь, действительно, у каждого свой мир, и воспринимает каждый только то, что привык или хочет воспринимать. Вот почему, к примеру, людям разных сословий или уровня образования всегда было сложно понять друг друга».

Атмосфера, царящая за седьмым столиком, – именно так его называли официанты при разговоре, – оставляла желать лучшего. Что бы не говорил человек, как бы не говорил, гораздо важнее то, что он вкладывает в эти слова и о чем думает, произнося их. Именно за этим нужно наблюдать, именно это необходимо контролировать, в случае, если вам неприятна беседа или общество. Вас можно не слушать, но атмосфера, которую вы

создаете вокруг себя, скажет все за вас сама. И она будет более искренняя, чем вы. А теперь представьте разрушительную силу негативной энергетики, четырехкратно увеличенной. Она способна перемещать предметы в пространстве, вызывать дождь, который и без нее помощи не покидал города с самого утра, а главное, расстраивать душевное и физическое состояние присутствующих. Оля на протяжении последних тридцати минут чувствовала эти потусторонние возможности, от которых у нее кружилась голова, темнело в глазах и не хватало воздуха. Устав бороться внешне и внутренне, она решила избавиться от удовольствия слышать и чувствовать. Нет, она не ушла, а только расслабилась и сразу же почувствовала приятную невесомость. Тело больше не слушалось хозяйку, заблокировав доступ к опорно-двигательной системе. Опьяняющее, воздушное состояние, серо-розовый густой туман, незнакомые, но очень приятные мужские голоса:

– Вот вы говорите, что если любишь человека, то должен принимать его таким, какой он есть, со всей его живностью! Но, если подумать, на мой взгляд, так может рассуждать консерватор до мозга костей! Тот, кто по жизни бунтарь, модернист, революционер никогда не согласится с этим. Если все люди посылаются друг другу для чего-то, то как я могу молчать, когда вижу, что здесь точно нужна работа? Нелюбовь – опустить руки, прижаться лени и сказать – надо принимать таким, какой есть. А ты помоги человеку стать лучше! Если считаешь, что ему есть куда, значит он сам не принимает свое состояние, неорганично живет, иначе и мысли бы такой не возникло. А все, почему-то, считают такого рода помощь преступлением, эгоизмом. Эгоизм – думать только о себе и не давать человеку возможности раскрыться, начать жить по-новому.

– А если ему не нужна эта новизна?

– Значит, у него все хорошо. Чаще человек всем своим видом показывает, что его не устраивает что-то, но он настолько напуган, что при малейшем намеке на изменения, его охватывает дичайший ужас, и он начинает оседать в комфортной для себя среде, точнее, в неприятной, но привычной. Это как алкоголизм – болезнь, которая давит, разрушает, ты хочешь выбраться, но не можешь заставить себя, не можешь представить другой жизни, другого себя. И проще закричать всем: «А я такой! Я хочу быть таким!», но на самом деле, нужно читать между строк, красное и подчеркнутое «SOS».

– И опять же, вернусь к своему вопросу. Получается, так или иначе, мы пытаемся стереть индивидуальность? Разве не так?

– Нет, мы пытаемся помочь человеку найти себя. И я повторюсь, даже если человек ведет аморальный образ жизни и действительно получает от этого удовольствие, если к нему ни на секунду не заходят мысли из разряда «что можно изменить» или «а как там», или «я бы хотел попробовать», то его не нужно трогать. Он живет в гармонии, и он счастлив. Но есть «больные», которые всеми фибрами души хотят выздороветь, и еще больше бояться жить без своей болезни. И они начинают бунтовать, когда пытаешься ввести им лекарство. У них развивается побочная реакция – отвращение, ярое отрицание. Но лишь от того, что болезнь передержали равнодушные лекари, придерживая противоядие в карманах и громко произнося: «Если любишь человека...». Это убийство, умышленное и хладнокровное.

Через пару минут она очнулась. Манящий туман и приглушенный свет отступили, незнакомые голоса исчезли. Над Ольгой стоял персонал заведения, уточнял о ее самочувствии, предлагал вызвать скорую помощь. Девушка отказалась. Осмотревшись, она поняла, что друзей рядом не было. Давно. С того самого момента, как она перешагнула порог заведения, ни один друг не находился рядом. Люди, сидевшие с ней за столиком, говорили невпопад о том, что она их сильно напугала, давали ей воду и что-то издающее зловонный запах. Пытаясь отвлечься, девушка смотрела в окно, за которым, за последние пару часов, ничего не изменилось. Кричащая тоска разрывала изнутри. Олю сковало опустошающее, леденящее душу чувство одиночества. По улице, опережая друг друга, шли

дождь и батареи безликих и безучастных, глаза которых тусклым, приглушенным светом освещали свой натоптанный, проверенный, удобный путь. Одиночество в толпе, как одиночество сумасшедшего: тебя не признают, считая неправильным, странным, чудаковатым. На самом же деле, ты нуждаешься в паре понимающих глаз, в крепких, теплых объятиях, способных рассеять сомнения. Кто знает, возможно, и нет этих одиноких и сумасшедших, просто рядом с ними полчище не принимающего его большинства, со своими законами, нормами, желаниями и взглядами. Быть может, сумасшедше и одиноко само общество, высмеивающее и вешающее ярлыки, не давая тем самым шанса на собственное спасение. Почему так случается, что в многотысячном городе человек может остаться один, один в окружении мертвых людей?!